

ШЕРЛОК ХОУМС

— 12 рассказов —

Сэр Артур Конан Дойл

18+

Артур Конан Дойл

Шерлок Хоумс 12 рассказов

«Автор»

2026

Дойл А.

Шерлок Хоумс 12 рассказов / А. Дойл — «Автор», 2026

«Шерлок Хоумс 12 рассказов» — это сборник из 12 классических детективных рассказов, где знаменитый сыщик и его верный спутник доктор Ватсон раскрывают самые запутанные преступления Лондона. Используя свой дедуктивный метод, Хоумс виртуозно распутывает истории о загадочных шантажах, семейных тайнах и дерзких ограблениях.

© Дойл А., 2026

© Автор, 2026

Артур Конан Дойл

Шерлок Хоумс 12 рассказов

I. СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I.

Для Шерлока Хоумса она всегда была «та самая женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл её как то иначе. В его глазах она затмевала и превосходила весь свой пол. Дело было не в том, что он испытывал к Айрин Адлер чувство, хоть сколько-нибудь похожее на любовь. Все эмоции, а особенно эта, были отвратительны его холодному, точному, но замечательно уравновешенному разуму. Насколько я могу судить, он был совершеннейшей машиной для рассуждений и наблюдений, какую только видел мир, но в роли влюблённого оказался бы в совершенно невыгодном положении. О нежных страстях он никогда не говорил иначе как с насмешкой и презрением. Для наблюдателя они были вещами весьма полезными — превосходным средством, позволяющим срывать покров с человеческих мотивов и поступков. Но для искусного рассуждающего ума допустить подобное вмешательство в собственный тонкий и безукоризненно настроенный темперамент означало внести отвлекающий фактор, способный поставить под сомнение все результаты его умственной работы. Песчинка в чувствительном приборе или трещина в одной из его мощных линз не могли бы помешать ему сильнее, чем сильное чувство натуры вроде его. И всё же для него существовала лишь одна женщина, и этой женщиной была покойная Айрин Адлер, оставившая после себя память весьма неоднозначную и сомнительную.

В последнее время я мало виделся с Хоумсом. Моя женитьба отдалила нас друг от друга. Моё собственное полное счастье и домашние заботы, возникающие вокруг мужчины, который впервые становится хозяином собственного дома, поглощали всё моё внимание, тогда как Хоумс, всей своей богемной душой ненавидевший любые формы общества, оставался в наших прежних комнатах на Бейкер-стрит, погребённый среди своих старых книг и из недели в неделю переходивший от кокаина к честолубию — от сонливости, вызываемой наркотиком, к яростной энергии собственного острого ума. Он по-прежнему, как и прежде, был глубоко увлечён изучением преступлений и направлял свои огромные способности и необычайную наблюдательность на то, чтобы проследивать оставленные ими следы и распутывать тайны, которые официальная полиция сочла безнадежными. Время от времени до меня доходили смутные сведения о его делах: о его вызове в Одессу по делу об убийстве Трепова, о раскрытии странной трагедии братьев Аткинсон в Тринкомали и, наконец, о миссии, которую он столь тонко и успешно выполнил для правящей семьи Голландии. Но, кроме этих свидетельств его деятельности, которыми он делился лишь со всеми читателями ежедневной прессы, я почти ничего не знал о своём прежнем друге и товарище.

Однажды вечером — это было двадцатого марта 1888 года — я возвращался от пациента (к тому времени я вновь занялся частной практикой), и мой путь пролегал через Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая навсегда должна была связываться в моей памяти с моим ухаживанием и с мрачными событиями «Исследования в алом», мной овладело сильное желание снова увидеть Хоумса и узнать, как он использует свои необычайные способности. Его комнаты были ярко освещены, и, едва я поднял глаза, как увидел, что его высокая худощавая фигура дважды прошла тёмным силуэтом за опущенной шторой. Он быстро и возбуждённо ходил по комнате, опустив голову на грудь и сцепив руки за спиной. Для меня, знавшего все его настроения и привычки, его поза и манера поведения говорили сами за себя. Он снова работал. Он поднялся из созданных наркотиком грёз и с жаром взялся за след какой-то новой задачи. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая прежде отчасти принадлежала и мне.

Его встреча со мной не была особенно сердечной. Обычно он и не отличался излишней выразительностью, но, думаю, он был рад меня видеть. Почти не произнес ни слова, но дружелюбно взглянув на меня, он указал мне на кресло, бросил рядом со мной коробку сигар и показал на шкафчик со спиртным и газоген в углу. Затем встал перед камином и оглядел меня своим необычным задумчивым взглядом.

— Брак вам к лицу, — заметил он. — Думаю, Ватсон, с тех пор как я вас видел, вы прибавили семь с половиной фунтов.

— Семь! — ответил я.

— В самом деле, я бы предположил немного больше. Совсем чуть-чуть больше, пожалуй, Ватсон. И снова занимаетесь практикой, как я вижу. Вы не говорили мне, что собираетесь снова войти в упряжку.

— Тогда откуда вы знаете?

— Я вижу это, я делаю вывод. Откуда я знаю, что в последнее время вы основательно промокли и что у вас крайне неуклюжая и беспечная служанка?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уже слишком. Несколько веков назад вас наверняка сожгли бы за колдовство. Верно, что в четверг я гулял за городом и вернулся в ужасном виде, но поскольку я переоделся, я не могу представить, как вы это определили. Что касается Мэри Джейн, она неисправима, и жена уже дала ей расчёт, но и здесь я не понимаю, как вы пришли к этому выводу.

Он тихо рассмеялся и потёр свои длинные нервные руки.

— Это проще простого, — сказал он. — Мои глаза говорят мне, что на внутренней стороне вашего левого ботинка, как раз там, куда падает свет от камина, на коже имеются шесть почти параллельных царапин. Очевидно, их оставил человек, который крайне небрежно соскребал грязь, приставшую к краям подошвы. Отсюда, как видите, мой двойной вывод: вы были на улице в отвратительную погоду, а ваша служанка — особенно злобный экземпляр лондонской девицы, способной резать ботинки. Что касается вашей практики, то если джентльмен входит в мою комнату, пахнувший йодоформом, с чёрным пятном нитрата серебра на указательном пальце правой руки и с выпуклостью на правой стороне цилиндра, показывающей, где он спрятал свой стетоскоп, я должен быть совершенно туп, если не признаю в нём практикующего врача.

Я не мог удержаться от смеха, видя, с какой лёгкостью он объяснил ход своих рассуждений.

— Когда я слышу, как вы объясняете свои выводы, — заметил я, — всё всегда кажется мне до смешного простым, так что я легко мог бы проделать то же самое сам, хотя при каждом новом вашем рассуждении остаюсь в полном недоумении, пока вы не объясните мне свой ход мыслей. И всё же я полагаю, что мои глаза ничуть не хуже ваших.

— Разумеется, — ответил он, закуривая сигарету и откидываясь в кресле. — Вы видите, но не наблюдаете. Разница очевидна. Например, вы неоднократно видели ступени, ведущие из холла в эту комнату.

— Неоднократно.

— Сколько раз?

— Ну, несколько сотен.

— Тогда сколько их?

— Сколько? Не знаю.

— Именно! Вы не наблюдали. И всё же вы видели. В этом и заключается моя мысль. А я знаю, что ступеней семнадцать, потому что не только видел, но и наблюдал. Кстати, раз вы интересуетесь подобными маленькими задачами и были так добры, что записали один или два моих незначительных опыта, возможно, вам будет интересно взглянуть и на это.

Он перебрал мне лист толстой бумаги розоватого оттенка, лежавший раскрытым на столе.

— Пришло с последней почтой, — сказал он. — Прочтите вслух.

Записка не была датирована и не содержала ни подписи, ни адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, к вам явится джентльмен, желающий посоветоваться с вами по делу величайшей важности. Ваша недавняя услуга одному из королевских домов Европы показала, что вам можно без опасений доверить дела, значение которых трудно даже преувеличить. Таково мнение о вас, поступившее к нам со всех сторон. В этот час будьте в своей комнате и не принимайте в дурном смысле того, что ваш посетитель может оказаться в маске».

— Это действительно загадка, — заметил я. — Как вы думаете, что это означает?

— Пока у меня нет данных. Теоретизировать до получения данных — серьёзная ошибка. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты под теории, вместо того чтобы подстраивать теории под факты. Но сама записка. Что вы можете вывести из неё?

Я внимательно рассмотрел почерк и бумагу, на которой было написано письмо.

— Человек, написавший её, предположительно состоятельный, — заметил я, стараясь подражать методу моего спутника. — Такую бумагу нельзя купить дешевле полукроны за пачку. Она необычайно плотная и жёсткая.

— Необычайная — именно это слово, — сказал Холмс. — Это вовсе не английская бумага. Поднесите её к свету.

Я так и сделал и увидел большую «Е» с маленькой «g», «Р» и большую «G» с маленькой «t», вплетённые в структуру бумаги.

— Что вы об этом думаете? — спросил Холмс.

— Наверняка название изготовителя или, скорее, его монограмма.

— Вовсе нет. «G» с маленькой «t» означает «Gesellschaft», что по-немецки значит «компания». Это обычное сокращение, вроде нашего «Со.». «Р», конечно же, означает «Paris». Теперь насчёт «Еg». Давайте заглянем в наш континентальный географический справочник.

Он снял с полки тяжёлый коричневый том.

— Эглоу, Эглониц... вот оно, Эгрия. Это немецкоязычная страна — Богемия, недалеко от Карлсбада. «Примечательно тем, что здесь погиб Валленштейн, а также многочисленными стекольными фабриками и бумажными заводами». Ха-ха, мой мальчик, что вы скажете на это?

Его глаза заблестели, и он выпустил изо рта большое синее облако торжествующего дыма от сигареты.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно. А человек, написавший записку, — немец. Вы заметили необычное построение фразы: «Таково мнение о вас, поступившее к нам со всех сторон»? Француз или русский так написать не мог. Именно немец так невежливо обращается с глаголами. Следовательно, остаётся только выяснить, чего хочет этот немец, пишущий на богемской бумаге и предпочитающий носить маску вместо того, чтобы показать лицо. И вот он идёт сюда, если я не ошибаюсь, чтобы разрешить все наши сомнения.

Едва он произнёс эти слова, как раздался резкий стук копыт и скрежет колёс о край тротуара, за которым последовал резкий звонок в дверь. Холмс присвистнул.

— Судя по звуку, пара лошадей, — сказал он. — Да, — продолжил он, выглянув из окна. — Хороший небольшой экипаж и пара красавцев. По сто пятьдесят гиней за каждого. В этом деле есть деньги, Ватсон, если больше ничего.

— Думаю, мне лучше уйти, Холмс.

— Ни в коем случае, доктор. Оставайтесь. Без моего Босуэлла я как без рук. И это обещает быть интересным. Было бы жаль пропустить.

— Но ваш клиент...

— Не беспокойтесь о нём. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему тоже. Вот и он. Сядьте в это кресло, доктор, и будьте предельно внимательны.

Медленный тяжёлый шаг, который уже был слышен на лестнице и в коридоре, остановился прямо за дверью. Затем раздался громкий властный стук.

— Войдите! — сказал Хоумс.

Вошёл человек ростом не менее шести футов шести дюймов, с грудью и конечностями Геркулеса. Одежда его была роскошной — настолько роскошной, что в Англии её сочли бы почти дурным вкусом. Широкие полосы каракуля были нашиты поперёк рукавов и передней части двубортного пальто, а глубокого синего цвета плащ, наброшенный ему на плечи, был подбит шёлком огненного цвета и скреплён у шеи брошью с единственным пламенеющим бериллом. Его вид дополняли сапоги, доходившие до середины икр и отделанные сверху богатым коричневым мехом. Вся его внешность создавала впечатление варварской роскоши. В руке он держал широкополую шляпу, а верхнюю часть лица, спускаясь ниже скул, закрывала чёрная маска-визард. Судя по всему, он только что поправил её, поскольку, войдя, всё ещё держал руку возле маски. Нижняя часть лица выдавала человека с сильным характером: с толстой отвисшей губой и длинным прямым подбородком, говорившим о решительности, доведённой почти до упрямства.

— Вы получили мою записку? — спросил он глубоким, резким голосом с сильно выраженным немецким акцентом. — Я сказал, что приду.

Он посмотрел на нас обоих, словно не зная, к кому обратиться.

— Прошу, садитесь, — сказал Хоумс. — Это мой друг и коллега, доктор Ватсон, который иногда любезно помогает мне в моих делах. С кем имею честь говорить?

— Можете обращаться ко мне как к графу фон Крамму, божемскому дворянину. Я понимаю, что этот джентльмен, ваш друг, — человек чести и благоразумия, которому я могу доверить дело чрезвычайной важности? Если это не так, я предпочёл бы говорить с вами наедине.

Я поднялся, чтобы уйти, но Хоумс схватил меня за запястье и усадил обратно.

— Либо оба, либо никто, — сказал он. — Вы можете сказать при этом джентльмене всё, что могли бы сказать мне.

Граф пожал широкими плечами.

— Тогда я должен начать, — сказал он, — с того, чтобы связать вас обоих обязательством абсолютной тайны на два года, по истечении этого срока дело утратит всякое значение. В настоящее время не будет преувеличением сказать, что оно настолько серьёзно, что может повлиять на историю Европы.

— Я обещаю, — сказал Хоумс.

— И я.

— Вы извините эту маску, — продолжил наш странный посетитель. — Высокопоставленная особа, нанявшая меня, желает, чтобы её представитель оставался вам неизвестен, и я могу сразу признаться, что титул, которым я только что себя назвал, на самом деле не мой.

— Я это понял, — сухо ответил Хоумс.

— Обстоятельства чрезвычайно деликатны, и необходимо принять все меры предосторожности, чтобы пресечь то, что может превратиться в огромный скандал и серьёзно скомпрометировать один из правящих домов Европы. Говоря прямо, дело касается великого дома Ормстайнов, наследственных королей Богемии.

— Это я тоже уже понял, — пробормотал Хоумс, устраиваясь в кресле и закрывая глаза.

Наш посетитель с некоторым удивлением взглянул на вялую, расслабленную фигуру человека, которого ему, без сомнения, представляли как самого проникательного мыслителя и самого энергичного агента Европы. Хоумс медленно открыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего гигантского клиента.

— Если ваше величество соблаговолит изложить мне суть дела, — заметил он, — я смогу лучше дать вам совет.

Человек вскочил с кресла и начал бесконтрольно ходить взад-вперёд по комнате. Затем, в отчаянном порыве, сорвал маску с лица и швырнул её на пол.

— Вы правы! — воскликнул он. — Я король. Зачем мне пытаться это скрывать?

— В самом деле, зачем? — пробормотал Холмс. — Ваше величество ещё не произнесло ни слова, а я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрайх Сигизмунд фон Ормстайн, великий герцог Кассель-Фельштейнский и наследственный король Богемии.

— Но вы понимаете, — сказал наш странный посетитель, снова садясь и проводя рукой по своему высокому белому лбу, — вы понимаете, что я не привык заниматься подобными делами лично. И всё же дело было настолько деликатным, что я не мог доверить его посреднику, не отдавая себя в его власть. Я тайно прибыл из Праги именно для того, чтобы посоветоваться с вами.

— Тогда прошу, советуйтесь, — сказал Холмс, снова закрывая глаза.

— Суть вкратце такова. Около пяти лет назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с известной авантюристкой Айрин Адлер. Имя, несомненно, вам знакомо.

— Ватсон, будьте любезны, найдите её в моём указателе, — пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет он пользовался системой каталогизации всех заметок о людях и событиях, так что трудно было назвать тему или человека, о которых он не мог бы немедленно предоставить сведения. В данном случае я обнаружил её биографию зажатой между биографией еврейского раввина и биографией штаб-командира, написавшего монографию о глубоководных рыбах.

— Посмотрим! — сказал Холмс. — Хм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто — хм! Ла Скала, хм! Прима-донна Императорской оперы в Варшаве — да! Отошла от оперной сцены — ха! Живёт в Лондоне — вполне понятно! Ваше величество, насколько я понимаю, запутались в отношениях с этой молодой женщиной, написали ей несколько компрометирующих писем и теперь желаете получить эти письма обратно.

— Именно так. Но как...

— Был тайный брак?

— Нет.

— Никаких юридических документов или свидетельств?

— Нет.

— Тогда я не понимаю ваше величество. Если эта молодая женщина предъявит ваши письма с целью шантажа или для каких-либо иных целей, как она сможет доказать их подлинность?

— Там есть почерк.

— Полноте! Подделка.

— Моя личная бумага для писем.

— Украдена.

— Моя собственная печать.

— Подделана.

— Моя фотография.

— Куплена.

— На фотографии мы оба.

— О боже! Это очень плохо! Ваше величество действительно позволили себе неосторожность.

— Я был безумен — совершенно не в себе.

— Вы серьёзно себя скомпрометировали.

— Тогда я был всего лишь наследным принцем. Я был молод. Сейчас мне только тридцать.

— Её необходимо вернуть.

— Мы пытались и потерпели неудачу.

— Ваше величество должно заплатить. Её необходимо купить.

— Она не продаст.

— Тогда украсть.

— Было предпринято пять попыток. Дважды нанятые мной взломщики обыскали её дом. Один раз мы задержали её багаж во время путешествия. Дважды на неё устраивали засады. Результата не было.

— Никаких следов?

— Абсолютно никаких.

Хоумс рассмеялся.

— Это довольно занятная маленькая задачка, — сказал он.

— Но для меня очень серьёзная, — с упрёком ответил король.

— Очень, конечно. А что она собирается делать с фотографией?

— Погубить меня.

— Но как?

— Я собираюсь жениться.

— Я слышал об этом.

— На Клотильде Лотман фон Саксен-Мейнинген, второй дочери короля Скандинавии. Вы, возможно, знаете строгие принципы её семьи. Она сама — воплощение деликатности. Малейшая тень сомнения относительно моего поведения положит конец этому браку.

— А Айрин Адлер?

— Угрожает послать им фотографию. И она это сделает. Я знаю, что сделает. Вы её не знаете, но душа у неё из стали. У неё лицо прекраснейшей из женщин и ум решительнейшего из мужчин. Лишь бы не позволить мне жениться на другой женщине, она не остановится ни перед чем — ни перед чем.

— Вы уверены, что она ещё не отправила её?

— Уверен.

— И почему?

— Потому что она сказала, что отправит её в тот день, когда о помолвке будет официально объявлено. Это произойдёт в следующий понедельник.

— О, значит, у нас ещё есть три дня, — сказал Хоумс с зевком. — Это очень удачно, поскольку сейчас мне предстоит заняться одним или двумя важными делами. Ваше величество, конечно, пока останется в Лондоне?

— Разумеется. Вы найдёте меня в «Лэнгэме» под именем графа фон Крамма.

— Тогда я напишу вам, чтобы сообщить, как продвигается наше дело.

— Прошу вас. Я буду весь в тревоге.

— Тогда что касается денег?

— У вас полная свобода действий.

— Абсолютно?

— Я говорю вам, что отдал бы одну из провинций моего королевства за эту фотографию.

— А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжёлую сумку из замши и положил её на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот фунтов банкнотами, — сказал он.

Хоумс нацарапал расписку на листе из записной книжки и протянул её ему.

— А адрес мадемуазель? — спросил он.

— Брайони-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал адрес.

— Ещё один вопрос, — сказал он. — Фотография была кабинетного формата?

— Да.

— Тогда доброй ночи, ваше величество. Надеюсь, вскоре у нас будут для вас хорошие новости. Ватсон, — добавил он, когда колёса королевского экипажа загрохотали по улице. — Если вы будете так любезны прийти завтра в три часа дня, я хотел бы обсудить с вами это небольшое дело.

II.

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс ещё не вернулся. Хозяйка сообщила мне, что он вышел из дома вскоре после восьми утра. Однако я уселся у камина, намереваясь ждать его, сколько бы это ни потребовалось. Его расследование уже глубоко меня заинтересовало, ибо, хотя в нём не было ничего от тех мрачных и странных обстоятельств, которыми сопровождалось два преступления, о которых я уже рассказывал, всё же характер дела и высокое положение его клиента придавали ему особое своеобразие. Более того, независимо от существа расследования, которым занимался мой друг, меня доставляло удовольствие наблюдать за его мастерским умением охватывать ситуацию и за его острыми, пронизательными рассуждениями, следить за быстрыми и тонкими приёмами, с помощью которых он распутывал самые неразрешимые тайны. Я настолько привык к его неизменному успеху, что сама возможность его неудачи уже перестала приходить мне в голову.

Было около четырёх, когда дверь открылась и в комнату вошёл похожий на пьяного конюх — неопрятный, с бакенбардами, воспалённым лицом и потрёпанной одеждой. Привыкший к удивительному искусству моего друга перевоплощаться, я всё же должен был взглянуть на него трижды, прежде чем убедился, что передо мной действительно он. Кивнув мне, он исчез в спальне и через пять минут вышел оттуда уже в твидовом костюме, приличный и респектабельный, как прежде. Засунув руки в карманы, он вытянул ноги к камину и несколько минут от души смеялся.

— Ну, право же! — воскликнул он, а затем поперхнулся от смеха и снова рассмеялся, пока не был вынужден откинуться в кресле, совершенно обмякший и беспомощный.

— Что случилось?

— Это просто уморительно. Уверен, вы никогда не догадаетесь, чем я занимался утром и чем всё в итоге закончилось.

— Не представляю. Полагаю, вы наблюдали за привычками и, возможно, за домом мисс Айрин Адлер.

— Именно так, но продолжение оказалось довольно необычным. Впрочем, я вам расскажу. Сегодня утром, немного после восьми, я вышел из дома в облике безработного конюха. Среди людей, связанных с лошадьми, существует удивительное чувство товарищества и некое братство. Станьте одним из них — и вы узнаете всё, что только можно узнать. Вскоре я отыскал Брайони-Лодж. Это изящная маленькая вилла в два этажа, с садом позади, но фасадом прямо выходящая на дорогу. На двери замок Чабба. Справа — большая, хорошо обставленная гостиная, с высокими окнами почти до самого пола и этими нелепыми английскими оконными защёлками, которые смог бы открыть даже ребёнок. Позади дома ничего примечательного, разве что к окну коридора можно было добраться с верхней части каретного сарая. Я обошёл дом и тщательно осмотрел его со всех сторон, но больше ничего интересного не заметил.

— Затем я неторопливо пошёл по улице и, как и ожидал, обнаружил, что в переулке, проходящем вдоль одной из стен сада, имеются конюшни. Я помог конюхам чистить лошадей и в обмен получил два пенса, стакан пива, смесь светлого и тёмного пива, две набивки табака и столько сведений о мисс Адлер, сколько мог пожелать, не говоря уже ещё о полудюжине жителей окрестностей, которые меня совершенно не интересовали, но чьи биографии мне пришлось выслушать.

— А что насчёт Айрин Адлер? — спросил я.

— О, она вскружила головы всем мужчинам в той части города. Под чепцом нет ничего более изящного на всей планете. Так утверждают все до единого в Серпентайнских конюшнях. Она живёт тихо, поёт на концертах, каждый день в пять часов выезжает из дома и ровно в семь возвращается к ужину. В другое время почти не выходит, разве что когда выступает. Её посещает только один мужчина, но зато какой! Он смуглый, красивый и весьма эффектный, приходит не реже одного раза в день, а нередко и дважды. Это мистер Годфри Нортон, из Иннер-Темпла. Вот вам преимущество кучера в роли доверенного лица. Они возили его домой из Серпентайнских конюшен дюжину раз и знали о нём всё. Когда я выслушал всё, что они могли мне сообщить, я снова начал ходить взад-вперёд возле Брайони-Лодж и обдумывать свой план действий.

— Этот Годфри Нортон, очевидно, был важной фигурой в этом деле. Он был адвокатом. Это звучало зловеще. Какие между ними отношения и зачем он так часто её посещал? Была ли она его клиенткой, подругой или любовницей? В первом случае она, вероятно, передала фотографию ему на хранение. В последнем это было менее вероятно. От ответа на этот вопрос зависело, продолжу ли я работу у Брайони-Лодж или перенесу внимание на комнаты этого джентльмена в Темпле. Это был тонкий момент, и он значительно расширял поле моего расследования. Боюсь, я утомляю вас этими подробностями, но мне необходимо показать вам мои небольшие затруднения, если вы хотите понять ситуацию.

— Я внимательно вас слушаю, — ответил я.

— Я всё ещё взвешивал это в уме, когда к Брайони-Лодж подъехал кеб, и из него выскочил джентльмен. Это был чрезвычайно красивый мужчина, смуглый, с орлиным носом и усами — очевидно, тот самый, о котором я слышал. Он, по-видимому, очень спешил, крикнул кучеру, чтобы тот ждал, и прошёл мимо служанки, открывшей дверь, с видом человека, чувствующего себя здесь совершенно как дома.

— Он пробыл в доме около получаса, и я мог видеть его через окна гостиной: он ходил взад-вперёд, возбуждённо разговаривал и размахивал руками. Её я не видел вовсе. Наконец он вышел, ещё более взволнованный, чем прежде. Подойдя к кебу, он вытащил из кармана золотые часы и внимательно посмотрел на них.

— «Гони как дьявол, — крикнул он. — Сначала к Гроссу и Хэнки на Риджент-стрит, а затем к церкви Святой Моники на Эджвер-роуд. Полгинеи!»

— Они уехали, а я как раз размышлял, не последовать ли мне за ними, когда из переулочка выехал аккуратный маленький ландо. Кучер был застёгнут лишь наполовину, галстук сбился под ухо, а все ремешки упряжи торчали из пряжек. Едва экипаж остановился, как она выскочила из парадной двери и села в него. В тот момент я успел лишь мельком её увидеть, о это была прекрасная женщина, с лицом, ради которого мужчина мог бы умереть.

— «Церковь Святой Моники, Джон, — крикнула она, — и полсоверена, если доберёшься за двадцать минут».

— Это было слишком заманчиво, чтобы упускать такую возможность, Ватсон. Я как раз решал, побежать ли мне следом или пристроиться сзади её ландо, когда по улице проехал кеб. Кучер дважды оглядел такого жалкого пассажира, но я вскочил внутрь, прежде чем он успел возразить.

— «Церковь Святой Моники, — сказал я, — и полсоверена, если доберёшься за двадцать минут».

Было двадцать пять минут двенадцатого, и, конечно, совершенно ясно, что к чему.

— Мой кучер гнал быстро. Не думаю, что когда-либо прежде мне доводилось ехать быстрее, но они прибыли раньше нас. Когда я подъехал, перед церковью уже стояли кеб и ландо с разгорячёнными лошадьми. Я расплатился с кучером и поспешил в церковь. Там не было ни души, кроме двух людей, за которыми я следовал, и священника в белом облачении, кото-

рый, казалось, пытался их урезонить. Все трое стояли группой перед алтарём. Я неторопливо прошёл по боковому нефу, как любой бездельник, случайно заглянувший в церковь. Вдруг, к моему удивлению, все трое у алтаря повернулись ко мне, а Годфри Нортон изо всех сил бросился мне навстречу.

— «Слава богу! — воскликнул он. — Вы подойдёте. Идите! Идите!»

— «Что же такое?» — спросил я.

— «Идёмте, человек, идёмте! Всего три минуты, иначе это будет незаконно».

— Меня почти силой подвели к алтарю, и прежде чем я успел понять, что происходит, я обнаружил, что бормочу ответы, которые мне шептали на ухо, подтверждаю вещи, о которых ничего не знал, и вообще помогаю надёжно соединить браком Айрин Адлер, незамужнюю женщину, и Годфри Нортон, холостяка. Всё произошло в одно мгновение: джентльмен с одной стороны благодарил меня, дама — с другой, а священник впереди сиял улыбкой, глядя на меня. Это было самое нелепое положение, в каком я когда-либо оказывался в жизни, и именно воспоминание о нём заставило меня сейчас смеяться. Оказывается, с их разрешением на брак возникла какая-то формальность, и священник категорически отказался венчать их без какого-либо свидетеля. Моё счастливое появление избавило жениха от необходимости выбегать на улицу в поисках шафера. Невеста подарила мне сверток, и я намерен носить его на цепочке от часов в память об этом событии.

— Это весьма неожиданное развитие событий, — сказал я. — А что произошло потом?

— Что ж, мои планы оказались серьёзно поставлены под угрозу. Казалось, эта пара могла немедленно уехать, и тогда мне пришлось бы действовать чрезвычайно быстро и решительно. Однако у церковных дверей они разошлись: он отправился обратно в Темпл, а она — к себе домой.

— «Я в пять, как обычно, буду кататься в парке», — сказала она ему на прощание.

Больше я ничего не слышал. Они уехали в разных направлениях, а я отправился заниматься собственными приготовлениями.

— Какими именно?

— Немного холодной говядины и стакан пива, — ответил он, звоня в колокольчик. — Я был слишком занят, чтобы думать о еде, а сегодня вечером, скорее всего, буду ещё более занят. Кстати, доктор, мне понадобится ваша помощь.

— С удовольствием.

— Вы не против нарушить закон?

— Нисколько.

— И не против подвергнуться риску быть арестованным?

— Если дело хорошее, не против.

— О, дело превосходное!

— Тогда я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу на вас положиться.

— Но что именно вы хотите от меня?

— Когда миссис Тёрнер принесёт поднос, я всё вам объясню. А теперь, — сказал он, с жадностью принимаясь за простую еду, которую приготовила наша хозяйка, — мне нужно обсудить это с вами за едой, поскольку времени у меня немного. Уже почти пять. Через два часа мы должны быть на месте действия. Мисс Айрин, или, вернее, мадам, возвращается с прогулки в семь. Нам нужно встретить её у Брайони-Лодж.

— А что потом?

— Это предоставьте мне. Я уже всё устроил. Есть только один момент, на котором я должен настоять. Вы ни во что не вмешиваетесь, что бы ни произошло. Понятно?

— Я должен оставаться нейтральным?

— Ничего не делать. Вероятно, возникнет небольшая неприятность. Не вмешивайтесь. Всё закончится тем, что меня внесут в дом. Через четыре или пять минут окно гостиной откроется. Вы должны занять место возле этого открытого окна.

— Да.

— Вы должны наблюдать за мной, потому что я буду виден вам.

— Да.

— А когда я подниму руку — вот так, — вы бросите в комнату то, что я вам дам бросить, и одновременно закричите: «Пожар!» Вы всё поняли?

— Совершенно.

— Ничего особенно страшного, — сказал он, доставая из кармана длинный свёрток, похожий на сигару. — Это обычная дымовая ракета для сантехнических работ, снабжённая колпачками с обоих концов, чтобы она загоралась сама. Вот и всё, что от вас требуется. Когда вы закричите «Пожар!», ваш крик подхватит множество людей. После этого можете идти к концу улицы, а я присоединюсь к вам через десять минут. Надеюсь, я всё ясно объяснил?

— Я должен оставаться нейтральным, приблизиться к окну, наблюдать за вами и по сигналу бросить внутрь этот предмет, затем закричать «Пожар!» и ждать вас на углу улицы.

— Именно.

— Тогда можете полностью на меня рассчитывать.

— Прекрасно. Думаю, пожалуй, уже пора подготовиться к новой роли, которую мне предстоит сыграть.

Он исчез в спальне и через несколько минут вернулся уже в облике добродушного и простодушного священника-нонконформиста. Его широкополая чёрная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, участливая улыбка и общий вид любопытного, благожелательного человека были такими, что с ним мог бы сравниться разве что сам мистер Джон Хэр. Хоумс не просто менял костюм. С каждым новым образом, который он принимал, менялись его выражение лица, манеры и даже сама его душа. Сцена лишилась прекрасного актёра, а наука — острого мыслителя, когда он стал специалистом по преступлениям.

Было четверть седьмого, когда мы вышли с Бейкер-стрит, и до назначенного часа оставалось ещё десять минут, когда мы оказались на Серпентайн-авеню. Уже смеркалось, и фонари как раз начинали зажигаться, пока мы ходили взад-вперёд перед Брайони-Лодж, ожидая возвращения его обитательницы. Дом оказался именно таким, каким я представлял его после краткого описания Шерлока Хоумса, однако место казалось мне менее уединённым, чем я ожидал. Напротив, для небольшой улицы в тихом районе здесь было удивительно оживлённо. В углу стояла группа неряшливо одетых мужчин, куривших и смеявшихся, рядом был точильщик ножей со своей тележкой, двое гвардейцев заигрывали с девушкой-няней, несколько хорошо одетых молодых людей прохаживались взад-вперёд с сигарами во рту.

— Видите, — заметил Хоумс, когда мы ходили перед домом, — этот брак несколько упрощает дело. Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Вполне возможно, что она столь же не желает, чтобы её увидел мистер Годфри Нортон, как наш клиент — чтобы она попала на глаза его принцессе. Теперь вопрос заключается в следующем: где нам найти фотографию?

— Вот именно, где?

— Очень маловероятно, что она носит её с собой. Это фотография кабинетного формата. Слишком большая, чтобы её можно было легко спрятать в женском платье. Она знает, что король способен приказать схватить и обыскать её. Две подобные попытки уже предпринимались. Значит, можем считать, что с собой она её не носит.

— Тогда где?

— У её банкира или адвоката. Есть две такие возможности. Но я склоняюсь к тому, что ни там, ни там её нет. Женщины от природы скрытны и предпочитают сами прятать свои вещи.

Зачем ей передавать её кому-то ещё? Собственной осторожности она может доверять, но не может знать, какое косвенное или политическое влияние можно оказать на делового человека. Кроме того, помните: она решила воспользоваться фотографией уже через несколько дней. Она должна находиться там, где женщина может в любой момент до неё добраться. Значит, она должна быть в её собственном доме.

— Но туда уже дважды вламывались.

— Фу! Они просто не знали, где искать.

— А как будете искать вы?

— Я не стану искать.

— Тогда что же?

— Я заставлю её самой показать мне.

— Но она откажется.

— Не сможет. Но я слышу грохот колёс. Это её экипаж. А теперь выполните мои указания в точности.

Едва он произнёс эти слова, как из-за поворота авеню показался блеск боковых фонарей экипажа. Это был нарядный маленький ландо, грохотавший к двери Брайони-Лодж. Когда он остановился, один из бездельников, стоявших на углу, бросился вперёд, чтобы открыть дверцу в надежде заработать медяк, но другой бездельник, подбежавший с той же целью, оттолкнул его локтем. Вспыхнула яростная ссора, к которой присоединились двое гвардейцев, вставшие на сторону одного из спорщиков, а точильщик столь же горячо поддержал другого. Кто-то ударил, и в следующее мгновение женщина, только что вышедшая из экипажа, оказалась в центре небольшой толпы разгорячённых дерущихся мужчин, которые яростно били друг друга кулаками и палками.

Хоумс бросился в толпу, чтобы защитить женщину, но едва он добрался до неё, как вскрикнул и рухнул на землю, а кровь хлынула по его лицу. Когда он упал, гвардейцы бросились прочь в одну сторону, а бездельники — в другую, тогда как несколько прилично одетых людей, наблюдавших за дракой, не вмешиваясь в неё, поспешили помочь женщине и заняться раненым.

Айрин Адлер, как я и впредь буду её называть, быстро поднялась по ступеням, но остановилась наверху, и её великолепная фигура чётко вырисовывалась на фоне освещённого холла, пока она смотрела обратно на улицу.

— Бедный джентльмен сильно пострадал? — спросила она.

— Он мёртв, — раздалось несколько голосов.

— Нет, нет, он ещё жив! — крикнул другой. — Но умрёт раньше, чем вы успеете доставить его в больницу.

— Он храбрый человек, — сказала женщина. — Если бы не он, они забрали бы у дамы кошелёк и часы. Это была целая шайка, и довольно грубая. Ах, он сейчас дышит.

— Он не может лежать на улице. Можно внести его внутрь, мадам?

— Разумеется. Внесите его в гостиную. Там есть удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно его внесли в Брайони-Лодж и уложили в главной комнате, тогда как я продолжал наблюдать за происходящим со своего места у окна. Лампы уже зажгли, но шторы ещё не опустили, так что я мог видеть Хоумса, лежавшего на диване.

Не знаю, испытывал ли он в тот момент угрызения совести из-за своей роли, но знаю, что никогда в жизни мне не было так стыдно за самого себя, как тогда, когда я увидел прекрасную женщину, против которой мы замыслили, и то, с какой грацией и добротой она ухаживала за раненым. И всё же отступить теперь от порученной мне Хоумсом роли означало бы совершить по отношению к нему величайшее предательство. Я ожесточил сердце и достал дымовую ракету из-под пальто. В конце концов, подумал я, мы не причиняем ей вреда. Мы всего лишь не позволяем ей причинить вред другому.

Хоумс сел на диване, и я увидел, как он сделал знак, словно ему не хватает воздуха. Служанка бросилась через комнату и распахнула окно. В тот же миг я увидел, как он поднял руку, и по этому сигналу бросил ракету в комнату с криком:

— Пожар!

Не успело слово сорваться с моих губ, как вся толпа зрителей — хорошо одетые и плохо одетые, джентльмены, конюхи и служанки — присоединилась к общему крику:

— Пожар!

Густые клубы дыма закрутились по комнате и вырвались через открытое окно. Я успел увидеть мелькнувшие фигуры, а мгновение спустя услышал изнутри голос Хоумса, уверявшего всех, что тревога ложная. Проскользнув сквозь кричащую толпу, я добрался до угла улицы и через десять минут с радостью почувствовал руку друга у себя на руке, после чего мы покинули место переполоха. Несколько минут он быстро и молча шёл вперёд, пока мы не свернули на одну из тихих улиц, ведущих к Эджвер-роуд.

— Вы всё сделали прекрасно, доктор, — заметил он. — Лучше и быть не могло. Всё в порядке.

— У вас фотография?

— Я знаю, где она.

— И как вы это выяснили?

— Она сама показала мне её, как я и говорил.

— Я всё ещё ничего не понимаю.

— Я не хочу создавать из этого тайну, — сказал он со смехом. — Всё было совершенно просто. Вы, конечно, заметили, что каждый человек на улице был сообщником. Все они были наняты на этот вечер.

— Я так и предполагал.

— Тогда, когда началась потасовка, у меня в ладони была немного влажной красной краски. Я бросился вперёд, упал, прижал руку к лицу и превратился в жалкое зрелище. Старый трюк.

— Это я тоже мог понять.

— Затем меня внесли внутрь. Она просто обязана была впустить меня. Что ещё ей оставалось? И в свою гостиную — именно ту комнату, которую я подозревал. Она находилась между этой комнатой и её спальней, и мне было необходимо выяснить, какая именно из них мне нужна. Меня положили на диван, я показал, что мне нужен воздух, им пришлось открыть окно, и тут появилась ваша возможность.

— Но как это помогло вам?

— Это было самое главное. Когда женщина думает, что её дом горит, её инстинкт немедленно заставляет броситься к тому, что она ценит больше всего. Это совершенно непреодолимый порыв, и я уже не раз им пользовался. В деле с подменой в Дарлингтоне это мне пригодилось, а также в истории с замком Арнсворт. Замужняя женщина хватается своего ребёнка, незамужняя — шкатулку с драгоценностями. А теперь мне было ясно, что у нашей сегодняшней дамы нет в доме ничего дороже того, что мы ищем. Она бросится спасать именно это.

Тревога из-за пожара была устроена превосходно. Дыма и криков оказалось достаточно, чтобы потрясти даже нервы из стали. Она отреагировала великолепно. Фотография находится в нише за раздвижной панелью, прямо над правой ручкой звонка. Она оказалась там в одно мгновение, и я успел увидеть фотографию, когда она наполовину вытащила её. Когда я крикнул, что тревога ложная, она спрятала её обратно, взглянула на ракету, выбежала из комнаты — и с тех пор я её больше не видел. Я поднялся и, извинившись, покинул дом. Я колебался, не попытаться ли сразу завладеть фотографией, но тут вошёл кучер и стал внимательно за мной наблюдать, поэтому показалось безопаснее подождать. Немного излишней поспешности — и всё можно погубить.

— А теперь? — спросил я.

— Наши поиски практически закончены. Завтра я приду туда вместе с королём и с вами, если захотите к нам присоединиться. Нас проведут в гостиную, чтобы мы подождали даму, но вполне вероятно, что, когда она появится, она не обнаружит ни нас, ни фотографии. Возможно, его величеству доставит удовольствие вернуть её собственными руками.

— А когда вы придёте?

— В восемь утра. Она ещё не встанет, так что поле будет свободно. Кроме того, нам нужно действовать быстро, поскольку этот брак может полностью изменить её жизнь и привычки. Я должен немедленно послать телеграмму королю.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у двери. Он искал в карманах ключ, когда проходивший мимо человек сказал:

— Доброй ночи, мистер Шерлок Хоумс.

В этот момент на тротуаре было несколько человек, но казалось, что приветствие исходило от худощавого молодого человека в пальто, который быстро прошёл мимо.

— Я уже слышал этот голос, — сказал Хоумс, вглядываясь в тускло освещённую улицу. — Вот интересно, кто, чёрт возьми, это мог быть?

III.

В ту ночь я остался ночевать на Бейкер-стрит, а утром мы как раз приступили к завтраку — тостам и кофе, — когда в комнату стремительно ворвался король Богемии.

— Вы действительно заполучили её! — воскликнул он, схватив Шерлока Хоумса за оба плеча и жадно вглядываясь ему в лицо.

— Пока нет.

— Но надежда есть?

— Надежда есть.

— Тогда идёмте. Я не могу дождаться, когда мы отправимся.

— Нам понадобится кэб.

— Нет, моя карета ждёт.

— Тогда это упростит дело.

Мы спустились вниз и снова отправились в Брайони-Лодж.

— Айрин Адлер замужем, — заметил Хоумс.

— Замужем! Когда?

— Вчера.

— Но за кого?

— За английского адвоката по имени Нортон.

— Но она не могла полюбить его.

— Я надеюсь, что полюбила.

— И почему вы на это надеетесь?

— Потому что это избавило бы ваше величество от всяких опасений относительно будущих неприятностей. Если эта женщина любит своего мужа, она не любит ваше величество. А если она не любит ваше величество, то нет никаких причин, по которым ей следовало бы вмешиваться в планы вашего величества.

— Это верно. И всё же... Что ж! Как бы я хотел, чтобы она была мне ровней по происхождению! Какой королевой она могла бы стать!

Он вновь погрузился в задумчивое молчание, которое не нарушалось до тех пор, пока мы не подъехали к Серпентайн-авеню.

Дверь Брайони-Лодж была открыта, а на ступенях стояла пожилая женщина. Она с насмешливым выражением наблюдала за нами, когда мы вышли из кареты.

— Мистер Шерлок Хоумс, полагаю? — спросила она.

— Я мистер Хоумс, — ответил мой спутник, озадаченно и несколько встревоженно глядя на неё.

— Вот как! Моя хозяйка сказала мне, что вы, вероятно, придёте. Сегодня утром она уехала вместе с мужем поездом в 5:15 с вокзала Чаринг-Кросс на континент.

— Что?!

Шерлок Хоумс отшатнулся, побледнев от досады и изумления.

— Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

— И никогда не вернётся.

— А документы? — хрипло спросил король. — Всё потеряно.

— Посмотрим.

Он оттолкнул служанку и ворвался в гостиную, а король и я последовали за ним. Мебель была разбросана по всей комнате, полки опустошены, ящики открыты — словно перед отъездом женщина в спешке перерыла всё вокруг. Хоумс бросился к шнуру звонка, отодвинул небольшую раздвижную заслонку и, просунув руку внутрь, вытащил фотографию и письмо.

На фотографии была сама Айрин Адлер в вечернем платье. На письме стояло: «Шерлоку Хоумсу. Выдать по требованию».

Мой друг вскрыл конверт, и мы втроём вместе прочитали письмо. Оно было датировано полночью предыдущей ночи и гласило:

«ДОРОГОЙ МИСТЕР ШЕРЛОК ХОУМС!

Вы действительно превосходно всё проделали. Вы полностью меня провели. До самой тревоги из-за пожара я ни о чём не подозревала. Но затем, когда я поняла, каким образом вы заставили меня выдать себя, я стала размышлять.

Ещё несколько месяцев назад меня предупредили о вас. Мне сказали, что если король наймёт агента, то это наверняка будете вы. Мне даже сообщили ваш адрес. И всё же, несмотря на всё это, вы сумели заставить меня раскрыть то, что хотели узнать.

Даже после того, как я начала что-то подозревать, мне было трудно думать плохо о таком милом и добром старом священнике. Но, знаете, я и сама когда-то обучалась актёрскому мастерству. Мужской костюм для меня не в новинку. Я часто пользуюсь свободой, которую он даёт.

Я послала Джона, кучера, следить за вами, сама поднялась наверх, переоделась в то, что я называю своей дорожной одеждой, и спустилась вниз как раз тогда, когда вы уходили.

Что ж, я последовала за вами до самого дома и таким образом убедилась, что действительно стала объектом интереса знаменитого мистера Шерлока Хоумса. Затем я, довольно опрометчиво, пожелала вам доброй ночи и отправилась в Темпл, чтобы повидать своего мужа.

Мы оба решили, что лучшим выходом в положении, когда за нами гонится столь грозный противник, будет бегство, поэтому, когда вы придёте завтра, вы обнаружите гнездо пустым. Что касается фотографии, ваш клиент может не тревожиться. Я люблю и любима человеком, который лучше его. Король может делать всё, что ему угодно, и ему не помешает та, с которой он поступил столь жестоко. Я храню фотографию лишь для того, чтобы обезопасить себя и сохранить оружие, которое всегда защитит меня от любых шагов, которые он мог бы предпринять в будущем. Я оставляю фотографию, которой он, возможно, пожелает обладать.

Искренне ваша,

АЙРИН НОРТОН, урождённая АДЛЕР».

— Какая женщина — о, какая женщина! — воскликнул король Богемии, когда мы втроём прочли это письмо. — Разве я не говорил вам, насколько она быстра и решительна? Разве из неё не вышла бы замечательная королева? Разве не жаль, что она не была мне ровней?

— Судя по тому, что я успел узнать об этой женщине, она, несомненно, находится на совершенно иной ступени, нежели ваше величество, — холодно сказал Хоумс. — Мне жаль, что я не смог завершить дело вашего величества более успешно.

— Напротив, мой дорогой сэр, — воскликнул король. — Успешнее и быть не могло. Я знаю, что её слово нерушимо. Теперь фотография находится в такой же безопасности, как если бы она была в огне.

— Рад слышать это от вашего величества.

— Я бесконечно вам обязан. Прошу, скажите, каким образом я могу вас вознаградить. Вот это кольцо...

Он снял с пальца изумрудное кольцо в виде змеи и протянул его на ладони.

— У вашего величества есть нечто, что я ценил бы ещё выше, — сказал Хоумс.

— Вам стоит лишь назвать это.

— Эту фотографию!

Король изумлённо уставился на него.

— Фотографию Айрин! — воскликнул он. — Конечно, если вы её желаете.

— Благодарю ваше величество. Тогда в этом деле больше нечего делать. Имею честь пожелать вам доброго утра.

Он поклонился и, не заметив протянутой к нему руки короля, отвернулся и вместе со мной направился к себе.

Так великий скандал, грозивший затронуть королевство Богемии, и обернулся тем, что лучшие планы мистера Шерлока Хоумса были расстроены женской смекалкой.

Он прежде любил посмеиваться над женской находчивостью, но в последнее время я уже не слышал от него подобных шуток. И когда он говорит об Айрин Адлер или упоминает её фотографию, то всегда называет её почётным титулом — «та самая женщина».

II. ЛИГА РЫЖЕВОЛОСЫХ

Однажды осенью прошлого года я зашёл к моему другу, мистеру Шерлоку Хоумсу, и застал его за оживлённой беседой с весьма дородным, румянолицым пожилым джентльменом с огненно-рыжими волосами. Извинившись за своё неожиданное появление, я уже собирался удалиться, когда Хоумс решительно втянул меня в комнату и закрыл за мной дверь.

— Вы совершенно не могли прийти в более подходящее время, мой дорогой Ватсон, — сердечно сказал он.

— Я боялся, что вы заняты.

— Именно так. И очень занят.

— Тогда я могу подождать в соседней комнате.

— Ни в коем случае. Этот джентльмен, мистер Джабез Уилсон, был моим партнёром и помощником во многих моих наиболее успешных расследованиях, и я не сомневаюсь, что и на этот раз он окажется чрезвычайно полезен.

Дородный джентльмен наполовину поднялся со стула и слегка поклонился в знак приветствия, быстро бросив на меня вопросительный взгляд маленьких глаз, окружённых складками жира.

— Присядьте на диван, — сказал Хоумс, снова устраиваясь в кресле и складывая кончики пальцев вместе, как он обычно делал, когда пребывал в задумчивом, рассудительном настроении. — Я знаю, мой дорогой Ватсон, что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, выходящему за рамки условностей и скучной повседневной рутины. Вы неоднократно демонстрировали своё пристрастие к подобным вещам тем воодушевлением, с которым брались записывать и, если позволите мне так выразиться, несколько приукрашивать многие из моих небольших приключений.

— Ваши дела действительно всегда вызывали у меня величайший интерес, — заметил я.

— Вы помните, что недавно, как раз перед тем, как мы приступили к весьма простой задаче, представленной мисс Мэри Сазерленд, я заметил, что если мы хотим найти странные

явления и необычайные сочетания обстоятельств, нам следует обращаться к самой жизни, которая всегда гораздо смелее любого полёта человеческого воображения.

— С этим утверждением я позволил себе не согласиться.

— Да, доктор, но тем не менее вам придётся перейти на мою сторону, иначе мне придётся наваливать на вас факт за фактом до тех пор, пока ваш разум не сдастся под их тяжестью и не признает мою правоту. А теперь мистер Джабез Уилсон оказал мне любезность, явившись сегодня утром, и начал рассказ, который обещает стать одним из самых необычных из всех, что мне доводилось слышать за последнее время. Вы слышали, как я замечал, что самые странные и уникальные вещи очень часто связаны не с крупными, а с мелкими преступлениями, а иногда даже с такими случаями, когда остаётся сомнительным, было ли вообще совершено какое-либо преступление. Насколько мне известно, я пока не могу сказать, относится ли нынешний случай к числу преступлений или нет, но ход событий, безусловно, один из самых необычных, какие мне когда-либо доводилось выслушивать. Возможно, мистер Уилсон, вы окажете нам большую любезность и начнёте свой рассказ сначала. Я прошу вас сделать это не только потому, что мой друг доктор Ватсон не слышал его начала, но и потому, что необычный характер этой истории заставляет меня пожелать услышать из ваших уст каждую возможную подробность. Обычно, когда я получаю хотя бы небольшой намёк на ход событий, я могу направлять свои рассуждения, опираясь на тысячи других подобных случаев, которые всплывают в моей памяти. Но в данном случае вынужден признать: эти обстоятельства совершенно уникальны.

Дородный клиент выпятил грудь с некоторым оттенком гордости и вынул из внутреннего кармана своего пальто грязную, помятую газету. Пока он просматривал колонку объявлений, подавшись вперёд и разложив газету на колене, я внимательно рассмотрел его и, следуя примеру моего друга, попытался прочесть по его одежде и внешности те признаки, которые могли бы кое-что рассказать о нём.

Однако мой осмотр дал мне немного. Наш посетитель во всём выглядел самым обычным британским торговцем — тучным, важным и медлительным. На нём были довольно мешковатые серые брюки в мелкую клетку, не слишком чистый чёрный сюртук, расстёгнутый спереди, и серовато-коричневый жилет с тяжёлой латунной цепочкой от часов, к которой в качестве украшения свисала квадратная перфорированная металлическая пластинка. Рядом с ним на стуле лежали потрёпанный цилиндр и выцветшее коричневое пальто с помятым бархатным воротником. В общем, как я ни старался, ничего примечательного в этом человеке я не обнаружил, кроме его пылающей рыжей шевелюры и выражения крайнего огорчения и недовольства на лице.

Проницательный взгляд Шерлока Хоумса уловил, чем я занимаюсь, и он с улыбкой покачал головой, заметив мои вопрошающие взгляды.

— Помимо очевидных вещей — что когда-то он занимался физическим трудом, что нюхает табак, что состоит в масонской ложе, что побывал в Китае и что в последнее время написал немало, — я больше ничего вывести не могу.

Мистер Джабез Уилсон резко выпрямился на стуле, положив указательный палец на газету, но смотрел при этом на моего друга.

— Как, ради всего святого, вы всё это узнали, мистер Хоумс? — спросил он. — Как, например, вы догадались, что я занимался физическим трудом? Это чистейшая правда: я начал корабельным плотником.

— Ваши руки, мой дорогой сэр. Ваша правая рука заметно больше левой. Вы работали ею, и мышцы на ней развились сильнее.

— Хорошо, а табак и масонство?

— Не стану оскорблять ваш ум, объясняя, как я это определил, тем более что вы, вопреки строгим правилам вашего ордена, носите на груди булавку с циркулем и угольником.

— А, конечно, я об этом забыл. Но как насчёт письма?

— Что ещё может означать этот правый манжет, блестящий на протяжении пяти дюймов, и левый, на котором возле локтя имеется гладкое пятно от постоянного соприкосновения с письменным столом?

— Ну хорошо, но Китай?

— Рыба, вытатуированная непосредственно над вашим правым запястьем, могла быть выполнена только в Китае. Я немного изучал татуировки и даже вносил свой вклад в литературу по этому вопросу. Приём, при котором чешую рыбы окрашивают в нежный розовый цвет, совершенно характерен для Китая. А когда вдобавок я вижу китайскую монету, подвешенную к цепочке ваших часов, всё становится ещё проще.

Мистер Джабез Уилсон тяжело рассмеялся.

— Вот уж никогда бы не подумал! — сказал он. — Сначала мне показалось, что вы сделали что-то чрезвычайно умное, но теперь я вижу, что на самом деле ничего особенного в этом нет.

— Я начинаю думать, Ватсон, — сказал Хоумс, — что совершаю ошибку, объясняя всё это. «*Omne ignotum pro magnifico*» (латынь «Всё неопознанное кажется великим»), знаете ли, а моя скромная репутация, какова бы она ни была, потерпит кораблекрушение, если я стану настолько откровенным. Вам удалось найти объявление, мистер Уилсон?

— Да, вот оно, — ответил он, прижав толстый рыжий палец к середине колонки. — Вот здесь. Именно с этого всё и началось. Прочтите сами, сэр.

Я взял у него газету и прочитал следующее:

«ЛИГА РЫЖЕВОЛОСЫХ.

В связи с завещанием покойного Эзекиаха Хопкинса из Ливана, штат Пенсильвания, США, открылась ещё одна вакансия, которая даёт члену Лиги право получать жалованье в размере четырёх фунтов в неделю за совершенно номинальные обязанности. Все рыжеволосые мужчины, физически и умственно здоровые, достигшие двадцати одного года, имеют право претендовать на это место. Явиться лично в понедельник, в одиннадцать часов, к Дункану Россу, в контору Лиги по адресу: Попс-Корт, 7 Флит-стрит».

— Что, во имя всего сущего, это означает? — воскликнул я, дважды перечитав это необычайное объявление.

Хоумс тихо рассмеялся и заёрзал в кресле, как всегда бывало с ним в приподнятом настроении.

— Немного не в духе привычных вещей, не правда ли? — сказал он. — А теперь, мистер Уилсон, начинайте с самого начала и расскажите нам всё о себе, своём доме и о том, как это объявление повлияло на вашу судьбу. Сначала, доктор, обратите внимание на газету и дату.

— Это *The Morning Chronicle* от 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

— Очень хорошо. Ну, мистер Уилсон?

— Всё именно так, как я вам и рассказывал, мистер Шерлок Хоумс, — сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб. — У меня небольшая ссудная лавка на Кобург-сквер, неподалёку от Сити. Дело у меня не слишком большое, и в последние годы оно приносило лишь достаточно, чтобы прокормиться. Раньше я мог держать двух помощников, но теперь у меня только один; да и ему я едва смог бы платить, если бы он не соглашался работать за половину жалованья, чтобы научиться делу.

— Как зовут этого услужливого молодого человека? — спросил Шерлок Хоумс.

— Его зовут Винсент Сполдинг, и он, кстати, не такой уж молодой. Трудно сказать, сколько ему лет. Я не желал бы иметь помощника умнее, мистер Хоумс, и прекрасно знаю, что он мог бы найти место получше и зарабатывать вдвое больше того, что я способен ему платить. Но, в конце концов, если его всё устраивает, зачем мне вкладывать ему в голову всякие мысли?

— И действительно, зачем? Вам чрезвычайно повезло с работником, который согласен трудиться за цену значительно ниже рыночной. В наше время для работодателя это нечастая удача. Не знаю только, не столь ли же необычен ваш помощник, как и ваше объявление.

— О, у него тоже есть недостатки, — сказал мистер Уилсон. — Никогда ещё не видел такого помешанного на фотографии человека. Щёлкает камерой, когда ему следовало бы развивать свой ум, а потом ныряет в подвал, как кролик в нору, чтобы проявлять свои снимки. Это его главный недостаток, но в целом он хороший работник. Пороков за ним нет.

— Он всё ещё у вас, полагаю?

— Да, сэр. Он и четырнадцатилетняя девочка, которая немного готовит и следит за чистотой в доме, — вот и всё моё хозяйство, поскольку я вдовец и никогда не имел семьи. Живём мы очень тихо, сэр, втроём, держим крышу над головой, и платим по счетам — большего нам и не требуется.

— Первое, что нарушило наше спокойствие, было это объявление. Сполдинг спустился в контору ровно восемь недель назад, держа в руках ту самую газету, и сказал:

— «Господи, мистер Уилсон, как же я хотел бы быть рыжеволосым».

— «Почему это?» — спрашиваю я.

— «Да вот, — говорит он, — здесь ещё одна вакансия в Лиге рыжеволосых. Для того, кто её получит, это почти целое состояние, а я слышал, что вакансий больше, чем претендентов, так что попечители уже не знают, куда девать деньги. Если бы только мои волосы сменили цвет, вот готовое уютное местечко, куда мне осталось бы только войти».

— «А что же это такое?» — спросил я. Видите ли, мистер Хоумс, я человек очень домашний, а поскольку дело само приходит ко мне, вместо того чтобы мне ходить к нему, бывало, я по нескольку недель подряд даже не переступал порога. Поэтому я мало знал о том, что происходит за пределами дома, и всегда радовался любой новости.

— «Вы никогда не слышали о Лиге рыжеволосых?» — спросил он, широко раскрыв глаза.

— «Никогда».

— «Вот это удивительно, ведь вы сами подходите на одну из вакансий».

— «А сколько за неё платят?» — спросил я.

— «О, всего-то пару сотен в год, но работы немного, и она почти не мешает другим занятиям».

Можете легко представить, как после этих слов я наострил уши, ведь дела уже несколько лет шли не слишком хорошо, а лишние две сотни были бы весьма кстати.

— «Расскажите мне всё об этом», — сказал я.

— «Ну вот, — сказал он, показывая мне объявление, — сами видите: в Лиге есть вакансия, а здесь указан адрес, куда следует обратиться за подробностями. Насколько я могу понять, Лигу основал американский миллионер Эзекиа Хопкинс, человек весьма причудливый во всём, что касалось его образа жизни. Сам он был рыжеволосым и испытывал большую симпатию ко всем рыжеволосым мужчинам, поэтому после его смерти выяснилось, что он оставил своё огромное состояние попечителям с распоряжением использовать проценты с него для обеспечения удобными местами мужчин с волосами такого цвета. Насколько я слышал, платят великолепно, а делать почти ничего не нужно».

— «Но, — сказал я, — миллионы рыжеволосых мужчин наверняка захотят подать заявку».

— «Не так уж много, как вы можете подумать, — ответил он. — Видите ли, дело ограничено лондонцами и взрослыми мужчинами. Этот американец ещё молодым уехал из Лондона и хотел таким образом сделать что-нибудь хорошее для старого города. Кроме того, я слышал, что нет смысла подавать заявку, если ваши волосы светло-рыжие, тёмно-рыжие или вообще любого оттенка, кроме настоящего яркого, пылающего, огненно-рыжего. Вот если бы

вы захотели подать заявку, мистер Уилсон, вы бы просто вошли туда без всяких трудностей, но, возможно, вам едва ли стоит утруждать себя ради нескольких сотен фунтов».

Теперь, джентльмены, это факт, который вы и сами можете видеть: мои волосы действительно имеют очень насыщенный, густой оттенок, и мне показалось, что если дело дойдёт до какого-нибудь конкурса, шансов у меня не меньше, чем у любого человека, которого я когда-либо встречал. Винсент Сполдинг, казалось, так много знал об этом деле, что я решил: от него может быть польза. Поэтому я велел ему закрыть ставни на весь день и немедленно отправиться со мной. Он охотно согласился взять выходной, и мы закрыли лавку и отправились по адресу, указанному в объявлении.

Никогда, мистер Хоумс, я больше не надеюсь увидеть подобное зрелище. С севера, юга, востока и запада каждый мужчина, у которого в волосах имелся хотя бы какой-нибудь оттенок рыжего, стекался в город в ответ на объявление. Флит-стрит была забита рыжеволосыми людьми, а Попс-Корт выглядел так, словно там расположилась тележка уличного торговца апельсинами. Никогда бы не подумал, что во всей стране найдётся столько таких людей, сколько собралось здесь благодаря одному-единственному объявлению. Оттенки волос встречались самые разные — соломенные, лимонные, апельсиновые, кирпичные, цвета ирландского сеттера, печёночные, глиняные; но, как сказал Сполдинг, настоящего яркого, огненного оттенка было лишь у немногих. Увидев, сколько людей, я уже хотел в отчаянии отказаться от затеи, но Сполдинг и слышать об этом не желал. Каким образом ему это удалось, я представить не мог, но он толкал, тянул и проталкивался, пока не провёл меня сквозь толпу прямо к ступеням, ведущим в контору. По лестнице двигались два встречных потока: одни поднимались, исполненные надежды, другие спускались подавленные и разочарованные. Мы кое-как вклинились между ними и вскоре оказались в конторе.

— Весьма занимательный у вас был опыт, — заметил Хоумс, когда его клиент замолчал и освежил память огромной щепоткой нюхательного табака. — Прошу вас, продолжайте свой чрезвычайно интересный рассказ.

— В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого дощатого стола, за которым сидел маленький человек с головой ещё более рыжей, чем моя. Каждому кандидату, подходившему к нему, он говорил несколько слов, а затем неизменно находил какой-нибудь недостаток, из-за которого тот не мог получить место. Вакансия, оказывается, не так уж легко доставалась. Однако, когда подошла наша очередь, маленький человек отнёсся ко мне гораздо благосклоннее, чем ко всем остальным, и, когда мы вошли, закрыл дверь, чтобы поговорить с нами с глазу на глаз.

— «Это мистер Джабез Уилсон, — сказал мой помощник, — и он готов занять вакансию в Лиге».

— «И он прекрасно для неё подходит, — ответил тот. — У него есть все необходимые качества. Не припомню, чтобы когда-либо видел что-нибудь настолько замечательное».

Он отступил на шаг, склонил голову набок и уставился на мои волосы так пристально, что я почувствовал себя совершенно неловко. Затем вдруг рванулся вперёд, пожал мне руку и горячо поздравил с успехом.

— «Было бы несправедливо продолжать колебаться, — сказал он. — Однако, уверен, вы извините меня за одну очевидную предосторожность».

С этими словами он схватил меня обеими руками за волосы и дёрнул так сильно, что я вскрикнул от боли.

— «На глазах у вас выступили слёзы, — сказал он, отпустив меня. — Вижу, всё именно так, как и должно быть. Но нам приходится быть осторожными: дважды нас уже обманывали париками и один раз краской. Я мог бы рассказать вам такие истории о сапожном воске, что вы бы разочаровались в человеческой природе».

Он подошёл к окну и во весь голос крикнул, что вакансия занята. Снизу донёсся стон разочарования, и вся толпа разошлась в разные стороны, пока на улице не осталось ни одного рыжеволосого, кроме меня и управляющего.

— «Меня зовут мистер Дункан Росс, — сказал он, — и я сам являюсь одним из получателей средств из фонда, оставленного нашим благородным благодетелем. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что нет.

Его лицо тут же омрачилось.

— «Боже мой! — серьёзно произнёс он. — Это действительно очень серьёзно! Мне жаль это слышать. Фонд предназначен, разумеется, не только для содержания рыжеволосых, но и для их размножения и распространения. Крайне досадно, что вы холостяк».

Моё лицо вытянулось, мистер Холмс, поскольку я подумал, что в итоге вакансия мне не достанется. Но, поразмыслив несколько минут, он сказал, что всё будет в порядке.

— «В случае другого кандидата, — сказал он, — это возражение могло бы оказаться решающим, но ради человека с такой шевелюрой, как у вас, мы должны немного отступить от правил. Когда вы сможете приступить к своим новым обязанностям?»

— «Ну, это немного затруднительно, поскольку у меня уже есть собственное дело», — сказал я.

— «О, об этом не беспокойтесь, мистер Уилсон! — сказал Винсент Сполдинг. — Я смогу присмотреть за ним вместо вас».

— «Каковы будут часы работы?» — спросил я.

— «С десяти до двух».

А ведь работа ссудной лавки главным образом ведётся по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и пятницам, как раз перед днём выдачи жалованья; поэтому возможность немного зарабатывать по утрам меня вполне устраивала. К тому же я знал, что мой помощник — человек толковый и со всем справится.

— «Мне это очень подходит, — сказал я. — А жалованье?»

— «Четыре фунта в неделю».

— «А работа?»

— «Совершенно номинальная».

— «Что вы подразумеваете под совершенно номинальной?»

— «Ну, вы должны всё это время находиться в конторе или, по крайней мере, в здании. Если вы уйдёте, то навсегда лишитесь своего места. В завещании это условие прописано совершенно ясно. Вы нарушите его, если хотя бы на это время покинете контору».

— «Это всего четыре часа в день, и я вовсе не собираюсь уходить», — сказал я.

— «Никакие оправдания не принимаются, — сказал мистер Дункан Росс. — Ни болезнь, ни дела, ни что-либо ещё. Вы должны оставаться здесь, иначе потеряете своё место».

— «А работа?»

— «Переписывать «Британскую энциклопедию». Вон там, в шкафу, лежит её первый том. Чернила, перья и промокательную бумагу вы должны приобрести сами, но стол и стул мы предоставляем. Сможете начать завтра?»

— «Разумеется», — ответил я.

— «Тогда до свидания, мистер Джабез Уилсон, и позвольте ещё раз поздравить вас с важным положением, которое вам посчастливилось получить».

Он поклонился мне, провожая из комнаты, и я отправился домой вместе с моим помощником, едва понимая, что говорить и делать, настолько я был счастлив своей удачей.

Однако весь день я обдумывал случившееся, и к вечеру снова пал духом: я совершенно убедил себя, что всё это должно быть какой-то грандиозной мистификацией или мошенничеством, хотя не мог представить, в чём заключалась его цель. Казалось совершенно невероят-

ным, чтобы кто-либо мог составить подобное завещание или платить такую сумму за столь простое занятие, как переписывание «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг делал всё возможное, чтобы меня подбодрить, но ко времени отхода ко сну я рассуждениями убедил себя, что вся эта история — пустая затея. Тем не менее утром я решил хотя бы взглянуть на всё это собственными глазами. Я купил дешёвую бутылочку чернил, взял гусиное перо и семь листов писчей бумаги и отправился в Попс-Корт.

К моему удивлению и огромной радости, всё оказалось в полном порядке. Стол был подготовлен для меня, а мистер Дункан Росс находился там, чтобы убедиться, что я действительно приступил к работе. Он велел мне начать с буквы А, а затем ушёл, но время от времени заглядывал проверить, всё ли у меня хорошо. В два часа он пожелал мне доброго дня, похвалил за количество написанного и запер дверь конторы за мной.

Так продолжалось день за днём, мистер Хоумс, а в субботу управляющий пришёл и выложил передо мной четыре золотых соверена за мою недельную работу. На следующей неделе произошло то же самое, и через неделю — опять. Каждое утро я приходил в десять, а каждый день в два часа уходил. Постепенно мистер Дункан Росс стал заходить лишь однажды за утро, а спустя некоторое время вообще перестал появляться. Но я, разумеется, ни на мгновение не осмеливался покинуть комнату: я не знал, когда он может прийти, а место было настолько выгодным и так хорошо мне подходило, что я не рискнул бы его потерять.

Так прошло восемь недель. Я успел переписать статьи о аббатствах, архитектуре и Аттике и надеялся при усердной работе вскоре добраться до буквы Б. Это стоило мне немало писчей бумаги, и я почти полностью заполнил целую полку своими записями. И тут вдруг всё это дело закончилось.

— Закончилось?

— Да, сэр. И случилось это сегодня утром. Я, как обычно, пришёл на работу в десять часов, но дверь оказалась закрыта и заперта, а посередине филёнки была прибита гвоздиком небольшая квадратная карточка. Вот она. Можете прочесть сами.

Он поднял кусок белого картона размером примерно с лист почтовой бумаги. На нём было написано:

«ЛИГА РЫЖЕВОЛОСЫХ РАСПУЩЕНА. 9 октября 1890 года».

Шерлок Хоумс и я некоторое время разглядывали это лаконичное объявление и скорбное лицо человека, державшего его перед нами, пока комическая сторона происходящего настолько не возобладала над всеми прочими соображениями, что мы оба разразились громким смехом.

— Не вижу здесь ничего особенно смешного, — вскричал наш клиент, покраснев до самых корней своей пылающей шевелюры. — Если вы ничего не можете сделать, кроме как смеяться надо мной, я могу обратиться в другое место.

— Нет, нет, — воскликнул Хоумс, усаживая его обратно в кресло, из которого тот наполовину поднялся. — Я ни за что на свете не отказался бы от вашего дела. Оно необычайно занимательно именно своей свежей, небывалой странностью. Но, если позволите мне так сказать, в нём действительно есть кое-что весьма забавное. Скажите, пожалуйста, что вы предприняли, когда обнаружили карточку на двери?

— Я был ошеломлён, сэр. Не знал, что и делать. Затем обошёл соседние конторы, но там, похоже, никто ничего об этом не знал. Наконец я отправился к домовладельцу, бухгалтеру, который живёт на первом этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что стало с Лигой рыжеволосых. Он ответил, что никогда ни о какой подобной организации не слышал. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он сказал, что это имя ему незнакомо.

— «Ну, — сказал я, — джентльмен из номера 4».

— «Что, рыжеволосый?»

— «Да».

— «А, — сказал он, — его звали Уильям Моррис. Он был стряпчим и временно пользовался моей комнатой, пока не подготовили его новое помещение. Вчера он выехал».

— «Где я могу его найти?»

— «О, в его новой конторе. Он называл мне адрес. Да, номер 17 по Кинг-Эдвард-стрит, недалеко от собора Святого Павла».

Я отправился туда, мистер Хоумс, но по этому адресу оказалась фабрика искусственных коленных чашечек, и никто там никогда не слышал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

— И что же вы сделали потом? — спросил Хоумс.

— Я вернулся домой, на Сакс-Кобург-сквер, и спросил совета моего помощника. Но он ничем не смог мне помочь. Он только сказал, что, если я подожду, то получу ответ по почте. Но, мистер Хоумс, этого было недостаточно. Я не хотел терять такое место без борьбы, поэтому, услышав, что вы любезно даёте советы бедным людям, которые нуждаются в помощи, я немедленно пришёл к вам.

— И совершенно правильно сделали, — сказал Хоумс. — Ваш случай чрезвычайно примечателен, и я с удовольствием им займусь. Из того, что вы мне рассказали, я полагаю, что за ним могут скрываться гораздо более серьёзные обстоятельства, чем кажется на первый взгляд.

— Достаточно серьёзные! — сказал мистер Джабез Уилсон. — Да ведь я потерял четыре фунта в неделю.

— Если говорить лично о вас, — заметил Хоумс, — я не вижу, в чём вы можете обвинять эту необычайную Лигу. Напротив, насколько я понимаю, вы стали богаче примерно на тридцать фунтов, не говоря уже о тех исчерпывающих знаниях, которые приобрели обо всём, что относится к букве А. Вы ничего не потеряли.

— Нет, сэр. Но я хочу выяснить, что это за люди, кто они такие и зачем им понадобилось разыгрывать меня — если это вообще была шутка. Для них эта шутка обошлась довольно дорого: она стоила им тридцать два фунта.

— Мы постараемся прояснить эти вопросы. А сначала, мистер Уилсон, один-два вопроса. Как долго ваш помощник, который первым обратил ваше внимание на объявление, работал у вас?

— Тогда около месяца.

— Как он к вам попал?

— По объявлению.

— Он был единственным кандидатом?

— Нет, их было дюжина.

— Почему вы выбрали его?

— Потому что он был расторопным и согласился работать дёшево.

— То есть за половину жалованья?

— Да.

— Как выглядит этот Винсент Сполдинг?

— Невысокий, крепко сложенный, очень подвижный, без волос на лице, хотя ему уже за тридцать. На лбу у него белое пятно от кислоты.

Хоумс выпрямился в кресле, заметно взволнованный.

— Я так и думал, — сказал он. — Вы когда-нибудь замечали, что у него проколоты уши для серёжек?

— Да, сэр. Он говорил мне, что это ему сделал цыган, когда он был мальчишкой.

— Хм! — произнёс Хоумс, снова откинувшись назад и погружившись в глубокое раздумье. — Он всё ещё у вас?

— О да, сэр. Я только что от него ушёл.

— И дела шли в ваше отсутствие?

— Жаловаться не на что, сэр. По утрам у нас никогда не бывает особенно много работы.

— Хорошо, мистер Уилсон. Я буду рад высказать вам своё мнение по этому поводу через день-другой. Сегодня суббота, и надеюсь, что к понедельнику мы придём к определённом выводу.

— Ну, Ватсон, — сказал Хоумс, когда наш посетитель ушёл, — что вы обо всём этом думаете?

— Ничего не думаю, — откровенно ответил я. — Дело чрезвычайно загадочное.

— Как правило, — сказал Хоумс, — чем более причудливой кажется вещь, тем менее загадочной она оказывается на самом деле. Именно самые заурядные, ничем не примечательные преступления озадачивают по-настоящему, подобно тому как обычное лицо труднее всего запомнить. Но с этим делом мне нужно разобраться быстро.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил я.

— Курить, — ответил он. — Это задача как минимум на три трубки, и я прошу вас не разговаривать со мной пятьдесят минут.

Он свернулся в кресле, подтянув худые колени к своему орлиному носу, и сидел так с закрытыми глазами, выставив чёрную глиняную трубку, словно клюв какой-то странной птицы. Я решил, что он заснул, и сам уже начал клевать носом, когда он вдруг вскочил с кресла с видом человека, принявшего решение, и положил трубку на каминную полку.

— Сегодня днём Сарасате играет в Сент-Джеймс-холле, — заметил он. — Как вы думаете, Ватсон? Ваши пациенты смогут обойтись без вас несколько часов?

— Сегодня мне нечем заняться. Моя практика никогда не бывает слишком поглощающей.

— Тогда надевайте шляпу и идёте. Сначала я проеду через Сити, а по дороге мы можем где-нибудь пообедать. Я вижу, в программе довольно много немецкой музыки, а она мне нравится больше итальянской или французской. Она располагает к самоанализу, а мне как раз хочется предаться самоанализу. Идёмте!

Мы ехали на метро до Олдерсгейта, а затем короткая прогулка привела нас на Сакс-Кобург-сквер — место действия необычной истории, которую мы слышали утром. Это было тесное, маленькое, убого-респектабельное местечко, где четыре ряда мрачных двухэтажных кирпичных домов выходили на небольшую огороженную решёткой площадку. Там газон из сорной травы и несколько кустов увядшего лавра вели тяжёлую борьбу с наполненной дымом и неприветливой атмосферой.

На угловом доме три позолоченных шара и коричневая вывеска с белыми буквами «ДЖАБЕЗ УИЛСОН» указывали на место, где наш рыжеволосый клиент вёл своё дело.

Шерлок Хоумс остановился перед ним, склонив голову набок, и внимательно осмотрел всё вокруг, его глаза ярко блестели из-под нахмуренных век. Затем он медленно прошёл вверх по улице, потом вернулся к углу, по-прежнему пристально разглядывая дома. Наконец он вернулся к ссудной лавке и, два или три раза энергично ударив своей тростью по мостовой, подошёл к двери и постучал.

Дверь тотчас открыл молодцеватый, чисто выбритый молодой человек и пригласил его войти.

— Благодарю, — сказал Хоумс. — Я только хотел спросить, как отсюда пройти к Стрэнду.

— Третья направо, четвёртая налево, — немедленно ответил помощник и закрыл дверь.

— Толковый малый, — заметил Хоумс, когда мы отошли. — На мой взгляд, это четвёртый по сообразительности человек в Лондоне, а по части смелости я не уверен, что он не заслуживает третьего места. Я уже кое-что о нём знаю.

— Очевидно, — сказал я, — помощник мистера Уилсона играет немалую роль в этой загадке с Лигой рыжеволосых. Уверен, вы спросили дорогу лишь для того, чтобы увидеть его.

— Не его.

— Тогда что?

— Колени его брюк.

— И что вы увидели?

— То, что и ожидал увидеть.

— Зачем же вы били по мостовой?

— Мой дорогой доктор, сейчас время наблюдать, а не разговаривать. Мы шпионы на вражеской территории. Мы кое-что узнали о Сакс-Кобург-сквер. Теперь давайте исследуем то, что находится за ней.

Улица, на которой мы оказались, свернув за угол от уединённой Сакс-Кобург-сквер, представляла собой столь же разительный контраст с ней, как лицевая сторона картины отличается от оборотной. Это была одна из главных артерий, по которым движение Сити направлялось на север и запад. Дорога была забита огромным потоком деловой жизни, двигавшимся двумя встречными потоками, туда и обратно, а тротуары чернели от спешащей толпы пешеходов.

Трудно было представить, глядя на ряд прекрасных магазинов и величественных деловых зданий, что с другой стороны они действительно примыкают к той выцветшей и сонной площади, которую мы только что покинули.

— Дайте-ка взглянуть, — сказал Холмс, остановившись на углу и окинув взглядом улицу. — Я хотел бы просто запомнить порядок расположения домов. Моё хобби — обладать точным знанием Лондона. Вот табачная лавка Мортимера, маленький газетный магазин, отделение Сити-энд-Сабёрбэн-банка, вегетарианский ресторан и каретная мастерская Макфарлейна. На этом начинается следующий квартал. А теперь, доктор, мы закончили свою работу, так что пора немного развлечься. Бутерброд и чашка кофе, а затем — в мир скрипки, где царят сладость, утончённость и гармония и где нет рыжеволосых клиентов, донимающих нас своими загадками.

Мой друг был страстным любителем музыки, причём не только весьма искусным исполнителем, но и композитором, обладавшим необычайным дарованием. Весь день он просидел в партере, погружённый в полнейшее блаженство, мягко покачивая длинными тонкими пальцами в такт музыке. Его слегка улыбающееся лицо и мечтательные, полуприкрытые глаза совершенно не походили на глаза Холмса-ищейки, Холмса — неумолимого, проницательного и ловкого борца с преступностью. Трудно было представить двух более разных людей.

В его необычном характере попеременно проявлялась эта двойственность. Его крайняя точность и проницательность, как мне часто казалось, были реакцией на поэтическое и созерцательное настроение, которое время от времени брало в нём верх. Природа его колебалась от крайней вялости до всепоглощающей энергии. Он никогда не становился по-настоящему грозным, пока несколько дней подряд не проводил, развалившись в кресле среди своих импровизаций и старинных изданий с готическим шрифтом.

Именно тогда внезапно овладевала им страсть к охоте, а его блестящая способность рассуждать поднималась почти до уровня интуиции, так что те, кто не был знаком с его методами, смотрели на него с подозрением, словно на человека, обладающего знаниями, недоступными обычным смертным.

Когда в тот день я увидел, как он, погружённый в музыку, сидел в Сент-Джеймс-холле, мне показалось, что для тех, кого он решил преследовать, наступают тяжёлые времена.

— Вы, несомненно, хотите домой, доктор, — заметил он, когда мы вышли.

— Да, это было бы неплохо.

— А мне предстоит кое-какое дело, которое займёт несколько часов. Это дело на Сакс-Кобург-сквер серьёзное.

— Почему серьёзное?

— Готовится крупное преступление. У меня есть все основания полагать, что мы успеем его предотвратить. Но поскольку сегодня суббота, дело несколько осложняется. Сегодня ночью мне понадобится ваша помощь.

— Во сколько?

— Десяти будет достаточно.

— В десять я буду на Бейкер-стрит.

— Очень хорошо. И ещё, доктор: возможно, будет небольшая опасность, поэтому будьте любезны положить в карман армейский револьвер.

Он махнул рукой, повернулся на каблуках и мгновенно исчез в толпе.

Не думаю, что я глупее своих близких, но в общении с Шерлоком Хоумсом я всегда испытывал мучительное ощущение собственной тупости. Здесь я слышал то же, что слышал он, видел то же, что видел он, и всё же из его слов было очевидно, что он ясно видел не только то, что произошло, но и то, что должно было произойти, тогда как для меня вся эта история по-прежнему оставалась запутанной и нелепой.

По дороге домой, в свой дом в Кенсингтоне, я снова и снова прокручивал в голове всё произошедшее — от необычайной истории о рыжеволосом переписчике энциклопедии до нашего визита на Сакс-Кобург-сквер и зловещих слов, с которыми он со мной расстался.

Что это за ночная экспедиция и зачем мне идти вооружённым? Куда мы направляемся и что собираемся делать? Из слов Хоумса я понял, что этот гладко выбритый помощник владельца ссудной лавки — человек опасный, способный вести весьма тонкую игру.

Я пытался разгадать эту загадку, но в отчаянии отказался от попыток и решил отложить всё до ночи, которая должна была принести объяснение.

Была четверть десятого, когда я вышел из дома, пересёк Парк и направился через Оксфорд-стрит к Бейкер-стрит. У двери стояли два кэба, войдя в коридор, я услышал наверху голоса.

Когда я вошёл в его комнату, Хоумс оживлённо беседовал с двумя мужчинами. Одного из них я узнал — это был Питер Джонс, официальный представитель полиции. Второй был высокий, худой, печального вида человек с очень блестящим цилиндром и вызывающе добропорядочным сюртуком.

— Ага! Наша компания в сборе, — сказал Хоумс, застёгивая короткое морское пальто и снимая с вешалки тяжёлую охотничью трость. — Ватсон, думаю, вы знаете мистера Джонса из Скотленд-Ярда? Позвольте представить вам мистера Мерривезера, который будет нашим спутником в сегодняшнем приключении.

— Мы снова охотимся парами, доктор, как видите, — своим самоуверенным тоном сказал Джонс. — Наш приятель здесь — замечательный человек, когда дело касается начала погони. Ему не хватает только старой собаки, чтобы помогать ему загонять добычу.

— Надеюсь, наша охота не закончится погоней за призраком, — мрачно заметил мистер Мерривезер.

— Вы можете полностью довериться мистеру Хоумсу, сэр, — важно сказал полицейский. — У него есть свои маленькие методы, которые, если он не обидится на мои слова, немного уж слишком теоретические и фантастические, но задатки детектива у него имеются. Не будет преувеличением сказать, что один-два раза — например, в деле об убийстве Шолто и сокровищах Агры — он оказался ближе к истине, чем официальные органы.

— О, если вы так говорите, мистер Джонс, тогда всё в порядке, — почтительно сказал незнакомец. — И всё же признаюсь, мне жаль пропускать мою партию. Впервые за двадцать семь лет в субботний вечер у меня не будет партии.

— Думаю, вы обнаружите, — сказал Шерлок Хоумс, — что сегодня ночью будете играть на более высокую ставку, чем когда-либо прежде, и игра будет гораздо более захватывающей.

Для вас, мистер Мерривезер, ставка составит около тридцати тысяч фунтов, а для вас, Джонс, ставкой будет человек, которого вы так хотите заполучить.

— Джон Клей, убийца, вор, взломщик и фальшивомонетчик. Он молод, мистер Мерривезер, но стоит во главе своей профессии, и я охотнее надел бы наручники на него, чем на любого другого преступника в Лондоне. Джон Клей — человек необычайный. Его дед был королевским герцогом, а сам он учился в Итоне и Оксфорде. Его мозг так же ловок, как его пальцы, и, хотя мы на каждом шагу обнаруживаем следы его деятельности, нам никогда не удаётся узнать, где находится он сам. Одну неделю он вскрывает сейф в Шотландии, а на следующей собирает деньги на строительство сиротского приюта в Корнуолле. Я иду по его следу уже несколько лет и до сих пор ни разу не видел его.

— Надеюсь, этой ночью мне представится удовольствие познакомиться с ним. У меня тоже было одно-другое небольшое столкновение с мистером Джоном Клеем, и я согласен с вами: он стоит во главе своей профессии. Однако уже больше десяти, и нам пора отправляться. Если вы двое поедете в первом кэбе, Ватсон и я последуем во втором.

Во время долгой поездки Шерлок Холмс был немногословен и откинулся на спинку сиденья, тихонько напевая мелодии, которые слышал днём.

Мы грохотали по бесконечному лабиринту освещённых газовыми фонарями улиц, пока не выехали на Фаррингтон-стрит.

— Мы уже почти на месте, — заметил мой друг. — Этот Мерривезер — директор банка и лично заинтересован в этом деле. Я счёл разумным взять с собой и Джонса. Он неплохой человек, хотя в своей профессии совершенно круглый идиот. У него есть одно несомненное достоинство: он храбр, как бульдог, и цепок, как омар, если уж вцепится в кого-нибудь своими клешнями. Вот мы и приехали, а они уже ждут нас.

Мы снова оказались на той же многолюдной улице, где побывали утром. Мы отпустили кэбы, и, следуя за мистером Мерривезером, мы прошли по узкому проходу и через боковую дверь, которую он открыл перед нами.

Внутри был небольшой коридор, заканчивавшийся массивными железными воротами. Они также открылись, и за ними начиналась извилистая каменная лестница, которая вела к ещё одним внушительным воротам.

Мистер Мерривезер остановился, чтобы зажечь фонарь, затем повёл нас по тёмному проходу, пахнушему землёй, и после открытия третьей двери мы оказались в огромном подземном помещении или погребе, заставленном со всех сторон ящиками и массивными коробами.

— Сверху вы не очень уязвимы, — заметил Холмс, подняв фонарь и оглядывая помещение.

— И снизу тоже, — сказал мистер Мерривезер, ударив тростью по каменным плитам пола. — Боже мой, а ведь здесь совсем пусто! — удивлённо добавил он, подняв глаза.

— Я действительно должен попросить вас вести себя немного тише! — строго сказал Холмс. — Вы уже поставили под угрозу весь успех нашей экспедиции. Будьте так добры, сядьте на один из этих ящиков и не мешайте.

Серьёзный мистер Мерривезер уселся на ящик с глубоко оскорблённым видом, а Холмс опустился на колени прямо на пол и с помощью фонаря и увеличительного стекла начал тщательно исследовать щели между каменными плитами.

Ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы удовлетвориться результатом: он снова вскочил и убрал лупу в карман.

— У нас есть по меньшей мере час, — заметил он, — поскольку они вряд ли смогут предпринять что-либо, пока добрый владелец ссудной лавки благополучно не ляжет в постель. А затем они не потеряют ни минуты, потому что чем быстрее закончат работу, тем больше времени у них останется на бегство.

— В настоящее время мы находимся, доктор, — как вы, несомненно, уже догадались, — в подвале городского отделения одного из главных лондонских банков. Мистер Мерривезер — председатель правления, и он объяснит вам, почему у наиболее дерзких преступников Лондона сейчас есть веская причина проявлять значительный интерес к этому подвалу.

— Это наше французское золото, — прошептал директор. — Мы получили несколько предупреждений о возможном покушении на него.

— Ваше французское золото?

— Да. Несколько месяцев назад нам потребовалось укрепить наши ресурсы, и с этой целью мы заняли у Банка Франции тридцать тысяч наполеондоров. Стало известно, что нам ещё ни разу не пришлось распаковывать деньги и что они по-прежнему лежат в нашем подвале. В ящике, на котором я сижу, находится две тысячи наполеондоров, уложенных между слоями свинцовой фольги. Сейчас наш запас золота значительно больше того, который обычно хранится в одном отделении банка, и директора были обеспокоены этим обстоятельством.

— И совершенно обоснованно, — заметил Хоумс. — А теперь пора разработать наш небольшой план. Думаю, в течение часа дело достигнет кульминации. А пока, мистер Мерривезер, нам следует закрыть заслонку этого тёмного фонаря.

— И сидеть в темноте?

— Боюсь, что да. Я захватил с собой колоду карт и подумал, что, поскольку нас четверо, вы всё-таки сможете сыграть свою партию. Но вижу, что приготовления противника зашли настолько далеко, что мы не можем рисковать, зажигая свет.

— И прежде всего нам следует выбрать позиции. Это дерзкие люди, и хотя мы застигнем их врасплох, они могут причинить нам вред, если мы не будем осторожны. Я встану за этим ящиком, а вы спрячьтесь за теми. Когда я направлю на них свет, быстро окружайте их. Если они откроют огонь, Ватсон, не сомневайтесь — стреляйте.

Я положил взведённый револьвер на крышку деревянного ящика, за которым присел. Хоумс опустил заслонку на передней части фонаря и оставил нас в кромешной тьме — в такой абсолютной темноте, какой я никогда прежде не испытывал.

Запах раскалённого металла позволял нам знать, что свет всё ещё здесь, готовый вспыхнуть в любой момент.

Для меня, чьи нервы были напряжены до предела ожиданием, в этой внезапной темноте и холодном, сыром воздухе подземелья было что-то угнетающее и подавляющее.

— У них есть только один путь к отступлению, — прошептал Хоумс. — Назад, через дом, на Сакс-Кобург-сквер. Надеюсь, Джонс, вы сделали то, о чём я вас просил?

— У парадного входа их ждут инспектор и двое полицейских.

— Значит, мы перекрыли все выходы. А теперь нам остаётся только молчать и ждать.

Как же медленно тянулось время! Позднее, сравнив свои впечатления, мы выяснили, что прошло всего час и пятнадцать минут, но мне казалось, будто ночь почти закончилась и над нами уже занимается рассвет.

Конечности затекли и одеревенели, поскольку я боялся изменить положение, однако нервы были напряжены до предела, а слух стал настолько острым, что я мог слышать не только тихое дыхание моих спутников, но и различать глубокий, тяжёлый вдох грузного Джонса и тонкий, похожий на вздох звук дыхания директора банка.

Со своего места я мог смотреть поверх ящика в сторону пола.

И вдруг мои глаза уловили блеск света.

Сначала это была лишь багрово-жёлтая искра на каменном полу. Затем она вытянулась, превратившись в жёлтую линию, а потом, без всякого предупреждения и звука, словно раскрылась щель, и появилась рука — белая, почти женская рука, которая ощупывала середину небольшого освещённого пространства.

Целую минуту или даже больше эта рука с извивающимися пальцами торчала из пола.

Затем она так же внезапно исчезла, и снова всё погрузилось во тьму, за исключением единственной багровой искры, обозначающей щель между каменными плитами.

Однако исчезновение руки оказалось лишь кратковременным. С рвущимся, трескучим звуком один из широких белых камней перевернулся на бок, оставив квадратное зияющее отверстие, через которое хлынул свет фонаря.

Над краем показалось чётко очерченное юношеское лицо. Оно быстро огляделось вокруг, затем, упершись руками по обе стороны отверстия, человек подтянулся сначала до плеч, потом до пояса, пока одно колено не оказалось на краю.

Ещё мгновение — и он уже стоял у края отверстия, вытаскивая за собой товарища, такого же гибкого и небольшого, как он сам, с бледным лицом и копной очень рыжих волос.

— Всё чисто, — прошептал он. — У тебя есть долото и мешки? Боже правый! Прыгай, Арчи, прыгай, а я за это повешусь!

Шерлок Хоумс вскочил и схватил незваного гостя за воротник.

Другой нырнул обратно в отверстие, и я услышал треск рвущейся ткани, когда Джонс схватил его за полы одежды.

Свет вспыхнул на стволе револьвера, но охотничья трость Хоумса опустилась на запястье мужчины, и пистолет со звоном упал на каменный пол.

— Бесполезно, Джон Клей, — спокойно сказал Хоумс. — У вас совершенно нет шансов.

— Как я вижу, — с величайшим спокойствием ответил тот. — Полагаю, с моим приятелем всё в порядке, хотя я вижу, что вы ухватили его за фалды пальто.

— У двери его ждут трое мужчин, — сказал Хоумс.

— О, вот как! Похоже, вы всё устроили весьма основательно. Позвольте вас поздравить.

— И я вас, — ответил Хоумс. — Ваша идея с рыжими волосами была весьма оригинальной и эффективной.

— Скоро вы снова увидите своего приятеля, — сказал Джонс. — Он быстрее меня умеет выбираться из ям. А пока потерпите немного, пока я застегну наручники.

— Прошу вас, не прикасайтесь ко мне своими грязными руками, — заметил наш пленник, когда наручники защёлкнулись на его запястьях. — Возможно, вы не знаете, что в моих жилах течёт королевская кровь. Кроме того, будьте так любезны, обращаясь ко мне, всегда говорить «сэр» и «пожалуйста».

— Хорошо, — сказал Джонс, уставившись на него и ухмыляясь. — Ну что ж, не будете ли вы так любезны, сэр, пройти наверх, где мы сможем найти кэб, который доставит ваше высочество в полицейский участок?

— Так лучше, — невозмутимо сказал Джон Клей.

Он отвесил нам троим широкий поклон и спокойно удалился под конвоем детектива.

— Право же, мистер Хоумс, — сказал мистер Мерривезер, когда мы вышли из подвала вслед за ними, — я даже не знаю, как банку отблагодарить вас или отплатить вам за вашу помощь. Не может быть никаких сомнений в том, что вы самым полным образом раскрыли и сорвали одну из самых решительных попыток ограбления банка, с которыми мне когда-либо приходилось сталкиваться.

— У меня были свои небольшие счёты с мистером Джоном Клеем, которые требовали сведения, — сказал Хоумс. — Я понёс некоторые расходы в связи с этим делом и рассчитываю, что банк их возместит. Но помимо этого я получил более чем достаточную награду, приобретя во многих отношениях уникальный опыт и услышав весьма необычную историю Лиги рыжеволосых.

— Видите ли, Ватсон, — объяснял он ранним утром, когда мы сидели на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, — с самого начала было совершенно очевидно, что единственной возможной целью этой довольно фантастической истории с объявлением о Лиге и переписыв-

ванием энциклопедии было на несколько часов каждый день убрать с дороги этого не слишком сообразительного владельца ссудной лавки.

Это был странный способ добиться цели, но, в сущности, трудно было придумать что-нибудь лучше. Метод, несомненно, был подсказан изобретательному уму Клея цветом волос его сообщника.

Четыре фунта в неделю были приманкой, которая должна была привлечь Уилсона, а что значили эти деньги для них, людей, игравших ради тысяч? Они поместили объявление, один мошенник устроил временную контору, другой подговорил человека подать заявку, и вместе они добились того, чтобы каждое утро он отсутствовал.

С того момента, как я услышал, что помощник согласился работать за половину жалования, мне стало очевидно, что у него есть серьёзная причина добиться этого места.

— Но как вы догадались, в чём заключалась эта причина?

— Если бы в доме были женщины, я заподозрил бы обычную пошлую интрижку. Однако это было исключено. Дело этого человека было небольшим, а в его доме не было ничего, что могло бы объяснить столь тщательно продуманные приготовления и такие расходы, какие они понесли.

Значит, причина должна была находиться за пределами дома. Но что это могло быть?

Я вспомнил увлечение помощника фотографией и его привычку исчезать в подвале.

Подвал!

Вот где заканчивалась эта запутанная нить.

Затем я навёл справки об этом таинственном помощнике и обнаружил, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона.

Он что-то делал в подвале — что-то, на что в течение нескольких месяцев уходило по много часов в день.

Но что именно?

Я ничего не мог придумать, кроме одного: он прокладывал туннель к какому-то другому зданию.

На этом я остановился, когда мы отправились осматривать место действия.

Я удивил вас, стуча своей тростью по мостовой. Я определял, простирается ли подвал вперёд или назад.

Вперёд он не простирался.

Затем я позвонил в дверь и, как и надеялся, её открыл помощник.

У нас уже случалось несколько небольших столкновений, но раньше мы никогда не видели друг друга.

Я почти не смотрел ему в лицо.

Мне нужны были его колени.

Вы сами, должно быть, заметили, насколько они были потёртыми, помятыми и испачканными.

Они рассказывали о многих часах, проведённых за рытьём.

Оставалось выяснить только одно: ради чего они рыли.

Я обошёл угол, увидел, что Сити-энд-Сабёрбэн-банк примыкает к помещению нашего приятеля, и понял, что разгадал загадку.

Когда после концерта вы отправились домой, я посетил Скотленд-Ярд и председателя правления банка. Результат вы теперь видели сами.

— А как вы догадались, что они попытаются осуществить свой замысел именно сегодня ночью? — спросил я.

— Когда они закрыли свою контору Лиги, это было признаком того, что мистер Джабез Уилсон им больше не нужен — другими словами, они закончили туннель.

Но им необходимо было воспользоваться им как можно скорее, поскольку его могли обнаружить, либо золото могли вывезти.

Суббота подходила им лучше любого другого дня, поскольку давала два дня на то, чтобы скрыться.

По всем этим причинам я ожидал, что они придут сегодня ночью.

— Вы рассуждали великолепно, — воскликнул я с неподдельным восхищением. — Цепочка рассуждений так длинна, и всё же каждое звено идеально подходит к следующему.

— Это избавило меня от скуки, — ответил он, зевая. — Увы! Я уже чувствую, как она снова надвигается. Вся моя жизнь проходит в непрерывной попытке сбежать от обыденности существования. Такие небольшие загадки помогают мне это делать.

— А вы, стало быть, благодетель человечества, — сказал я.

Он пожал плечами.

— Что ж, возможно, в конце концов от этого есть какая-то небольшая польза, — заметил он. — «L'homme c'est rien — l'œuvre c'est tout» (французский язык «Человек ничто - его таврение всё»), как Гюстав Флобер писал Жордж Санд.

III. ЖЕНИХ

— Дорогой мой, — сказал Шерлок Хоумс, когда мы сидели по обе стороны камина в его квартире на Бейкер-стрит, — жизнь бесконечно причудливее всего, что способен выдумать человеческий ум. Нам и в голову не пришло бы представить себе то, что на самом деле является всего лишь обыденностью существования. Если бы мы могли взяться за руки, вылететь вон из того окна, зависнуть над этим огромным городом, осторожно снять крыши домов и заглянуть внутрь, чтобы увидеть всё то странное, что там происходит, — необычайные совпадения, замыслы, взаимные помехи, удивительные цепи событий, протянувшиеся через поколения и приводящие к самым невероятным результатам, — вся художественная литература со своими условностями и заранее предсказуемыми развязками показалась бы нам пресной и совершенно бесполезной.

— И всё же я в этом не убеждён, — ответил я. — Случаи, о которых становится известно из газет, как правило, достаточно банальны и достаточно пошлы. В наших полицейских отчётах реализм доведён до крайних пределов, и всё же результат, надо признать, не отличается ни увлекательностью, ни художественностью.

— Для создания реалистического впечатления необходимы определённый отбор и чувство меры, — заметил Хоумс. — Именно этого и не хватает полицейскому отчёту, где, возможно, больше внимания уделяется избитым формулировкам судьи, чем деталям, содержащим для наблюдателя самую суть происходящего. Поверьте мне: нет ничего более неестественного, чем банальность.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Вполне понимаю, почему вы так думаете, — сказал я. — Конечно, занимая положение неофициального советника и помощника всех, кто оказался в совершенно безвыходном положении, причём на трёх континентах, вы постоянно сталкиваетесь со всем странным и причудливым. Но вот здесь... — я поднял с пола утреннюю газету, — давайте проверим это на практике. Вот первый заголовок, который мне попался: «Жестокость мужа по отношению к жене». Здесь полколонки текста, но я, даже не читая, знаю, что всё это мне прекрасно знакомо. Разумеется, там будет другая женщина, выпивка, толчок, удар, синяк, сочувствующая сестра или квартирная хозяйка. Самый грубый писатель не смог бы придумать ничего более грубого.

— Напротив, ваш пример весьма неудачен для вашей аргументации, — сказал Хоумс, беря газету и пробегая её глазами. — Это дело о разводе Дандас, и, как случилось, мне поручили выяснить несколько мелких обстоятельств, связанных с ним. Муж был трезвенником, никакой другой женщины не существовало, а поводом для жалобы послужило то, что он при-

обрёл привычку завершать каждый приём пищи, снимая свои вставные зубы и швыряя их в жену. Согласитесь, подобное действие едва ли могло прийти в голову обычному сочинителю рассказов. Возьмите щепотку нюхательного табака, доктор, и признайте, что в этом примере я вас превзошёл.

Он протянул мне свою табакерку из старого золота с крупным аметистом в центре крышки. Её великолепие так резко контрастировало с его простыми привычками и скромным образом жизни, что я не мог не обратить на неё внимания.

— Ах, — сказал он, — я забыл, что не видел вас несколько недель. Это небольшой сувенир от короля Богемии в благодарность за мою помощь в деле с бумагами Айрин Адлер.

— А кольцо? — спросил я, взглянув на великолепный бриллиант, сверкавший у него на пальце.

— Оно от правящей семьи Нидерландов, хотя дело, в котором я им служил, было настолько деликатным, что я не могу доверить его даже вам — человеку, который любезно записал одно или два из моих небольших исследований.

— А сейчас у вас есть какие-нибудь дела? — с интересом спросил я.

— Десять или двенадцать, но ни в одном нет ничего особенно интересного. Важные — да, но не интересные, понимаете. Более того, я обнаружил, что именно в незначительных делах обычно открывается простор для наблюдений и для быстрого анализа причин и следствий, который и придаёт расследованию его очарование. Крупные преступления, как правило, оказываются более простыми: чем масштабнее преступление, тем очевиднее обычно его мотив. За исключением одного довольно запутанного дела, направленного ко мне из Марселя, сейчас нет ничего, что представляло бы особый интерес. Впрочем, возможно, уже через несколько минут у меня появится нечто получше, поскольку, если я не ошибаюсь, это один из моих клиентов.

Он поднялся с кресла и встал между раздвинутыми шторами, глядя вниз, на тусклую, однообразно окрашенную лондонскую улицу. Переглянувшись с ним через плечо, я увидел, что на противоположном тротуаре стояла крупная женщина с тяжёлой меховой горжеткой на шее и большим завитым красным пером в широкополой шляпе, кокетливо сдвинутой на ухо в духе герцогини Девонширской. Из-под этого пышного убранства она нервно и нерешительно поглядывала на наши окна, покачиваясь всем телом вперёд и назад и теребя пальцами застёжки перчаток. Вдруг, резко рванувшись вперёд, словно пловец, отталкивающийся от берега, она поспешно пересекла улицу, и мы услышали резкий звон дверного колокольчика.

— Я уже встречал подобные признаки, — сказал Хоумс, бросив сигарету в огонь. — Если женщина мечется по тротуару, это всегда означает «affaire de cœur» (французский язык «дело сердечное»). Она хочет получить совет, но не уверена, не слишком ли деликатен вопрос, чтобы о нём рассказывать. И всё же даже здесь можно провести различие. Если мужчина причинил женщине серьёзную обиду, она уже не мечется взад и вперёд, а обычным признаком становится оборванный провод дверного звонка. Здесь же можно предположить любовную историю, но девушка скорее озадачена или огорчена, чем сердита. Однако теперь она сама явилась разрешить наши сомнения.

Пока он говорил, в дверь постучали, и вошёл мальчик в ливрее, чтобы объявить о приходе мисс Мэри Сазерленд. Сама же девушка возвышалась за его маленькой чёрной фигурой, словно тяжело гружённый торговый корабль под всеми парусами за крошечной лоцманской лодкой. Шерлок Хоумс встретил её с той непринуждённой учтивостью, которой отличался, закрыл дверь и усадил её в кресло, после чего принялся рассматривать её своим характерным внимательным, но в то же время отстранённым взглядом.

— Вам, должно быть, довольно трудно печатать столько на машинке при вашем слабом зрении?

— Сначала было трудно, — ответила она, — но теперь я знаю, где находятся буквы, и могу печатать, не глядя.

Затем, внезапно осознав весь смысл его слов, она резко вздрогнула и подняла глаза. На её широком добродушном лице появились страх и изумление.

— Вы что-то слышали обо мне, мистер Хоумс, — воскликнула она, — иначе откуда бы вы всё это знали?

— Неважно, — сказал Хоумс со смехом. — Моё дело — знать подобные вещи. Возможно, я приучил себя замечать то, мимо чего другие проходят. Иначе зачем бы вы пришли ко мне за советом?

— Я пришла к вам, сэр, потому что узнала о вас от миссис Этеридж, чей муж был найден вами так легко после того, как полиция и все остальные уже считали его погибшим. О, мистер Хоумс, я хочу, чтобы вы сделали для меня то же самое. Я небогата, но всё же получаю сто фунтов в год собственных денег, кроме небольшой суммы, которую зарабатываю на машинке, и я отдала бы всё, лишь бы узнать, что стало с мистером Хосмером Энджелом.

— Почему же вы так поспешно пришли ко мне? — спросил Шерлок Хоумс, соединив кончики пальцев и устремив глаза к потолку.

На несколько растерянном лице мисс Мэри Сазерленд вновь появилось удивление.

— Да, я буквально выбежала из дома, — сказала она, — потому что меня разозлило, как спокойно мистер Виндибэнк — то есть мой отец — ко всему этому отнёсся. Он не хотел идти в полицию, не хотел идти к вам, а поскольку в конце концов ничего не делал и только повторял, что ничего страшного не произошло, я просто взбесилась, надела вещи и сразу пришла к вам.

— Ваш отец, — сказал Хоумс, — вернее, отчим, конечно, поскольку фамилия у вас другая.

— Да, мой отчим. Я называю его отцом, хотя это звучит немного странно: он всего на пять лет и два месяца старше меня.

— А ваша мать жива?

— О да, мать жива и здорова. Я была не слишком довольна, мистер Хоумс, когда она так скоро после смерти отца вышла замуж за человека, который был почти на пятнадцать лет моложе неё. Отец был водопроводчиком на Тоттенхэм-Корт-роуд и оставил после себя вполне процветавшее дело, которым мать продолжала заниматься вместе с мистером Харди, старшим мастером. Но когда появился мистер Виндибэнк, он заставил её продать дело, поскольку считал себя человеком гораздо более высокого положения: он торговал вином. За право на клиентуру и участие в деле они получили четыре тысячи семьсот фунтов, что было далеко не столько, сколько отец мог бы выручить, останься он в живых.

Я ожидал, что Шерлок Хоумс станет нетерпеливо относиться к этому длинному и бесвязному рассказу, но, напротив, он слушал с величайшим вниманием.

— Ваш собственный небольшой доход, — спросил он, — он поступает из этого дела?

— О нет, сэр. Он совершенно отдельно от него и был оставлен мне моим дядей Недом в Окленде. Это новозеландские ценные бумаги, приносящие четыре с половиной процента. Сумма составляла две тысячи пятьсот фунтов, но я могу пользоваться только процентами.

— Вы чрезвычайно меня заинтересовали, — сказал Хоумс. — И поскольку вы получаете столь значительную сумму — сто фунтов в год, не считая заработка, — вы, вероятно, можете немного путешествовать и вообще позволять себе многое. Я полагаю, что незамужняя женщина вполне может жить на доход около шестидесяти фунтов в год.

— Мне хватило бы и гораздо меньшего, мистер Хоумс. Но понимаете, пока я живу дома, мне не хочется быть для них обузой, поэтому они пользуются этими деньгами всё то время, пока я нахожусь с ними. Разумеется, это только на данный период. Мистер Виндибэнк каждый квартал получает мои проценты и передаёт их матери, а я обнаружила, что вполне могу обходиться тем, что зарабатываю печатанием. Мне платят два пенса за лист, и нередко за день я успеваю сделать от пятнадцати до двадцати листов.

— Теперь ваше положение мне совершенно ясно, — сказал Хоумс. — Это мой друг доктор Ватсон, которому вы можете говорить так же свободно, как мне. А теперь будьте добры рассказать нам всё о ваших отношениях с мистером Хосмером Энджелом.

По лицу мисс Сазерленд разлился румянец, и она нервно перебирала бахрому своей куртки.

— Впервые я встретила его на балу газовщиков, — сказала она. — Когда отец был жив, ему присылали приглашения, а потом стали присылать их матери. Мистер Виндибэнк не хотел, чтобы мы шли. Он вообще никогда не хотел, чтобы мы куда-нибудь ходили. Он буквально приходил в ярость, если я хотела хотя бы сходить на воскресный праздник воскресной школы. Но на этот раз я твёрдо решила пойти — и пошла бы во что бы то ни стало. Какое право он имел мне запрещать? Он говорил, что там будут люди, с которыми нам не следует общаться, хотя среди приглашённых должны были быть все друзья отца. Ещё он сказал, что мне нечего надеть, хотя у меня было моё пурпурное плюшевое платье, которое я ни разу даже не вынимала из ящика. В конце концов, когда ничто другое не помогло, он уехал во Францию по делам фирмы. Но мы с матерью всё-таки пошли вместе с мистером Харди, который прежде был нашим старшим мастером, и там я встретила мистера Хосмера Энджела.

— Полагаю, — сказал Хоумс, — что, когда мистер Виндибэнк вернулся из Франции, он был весьма недоволен тем, что вы пошли на бал.

— Ну, он отнёсся к этому очень хорошо. Помню, он рассмеялся, пожал плечами и сказал, что бесполезно что-либо запрещать женщине, потому что она всё равно сделает по-своему.

— Понимаю. Значит, на балу газовщиков вы познакомились, как я понимаю, с джентльменом по имени мистер Хосмер Энджел.

— Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он пришёл узнать, благополучно ли мы добрались домой. После этого мы встречались — то есть, мистер Хоумс, мы дважды гуляли вместе, но затем отец вернулся, и мистер Хосмер Энджел больше не мог приходить к нам.

— Не мог?

— Ну, вы знаете, отец не любил ничего подобного. Он не желал, чтобы у нас были гости, если мог этого избежать, и постоянно говорил, что женщина должна быть счастлива в кругу собственной семьи. Но я тогда говорила матери: женщине прежде всего нужен собственный круг, а у меня его ещё не было.

— А как насчёт мистера Хосмера Энджела? Он не пытался с вами увидеться?

— Ну, отец должен был через неделю снова уехать во Францию, и Хосмер написал мне, что нам будет безопаснее и лучше не встречаться до его отъезда. Пока же мы могли переписываться, и он писал мне каждый день. Я забирала письма утром, так что отцу не было необходимости об этом знать.

— Вы уже были помолвлены с этим джентльменом?

— О да, мистер Хоумс. Мы обручились после первой прогулки. Хосмер — мистер Энджел — был кассиром в конторе на Лиденхолл-стрит и...

— В какой именно конторе?

— Вот этого-то я и не знаю, мистер Хоумс.

— Где же он тогда жил?

— Он спал на месте работы.

— И его адрес вам неизвестен?

— Нет — разве что Лиденхолл-стрит.

— Куда же вы тогда адресовали свои письма?

— На почту Лиденхолл-стрит, до востребования. Он сказал, что если отправлять письма в контору, все остальные клерки станут подшучивать над ним из-за писем от дамы. Поэтому я предложила печатать их на машинке, как печатал он свои, но он не согласился. Он сказал,

что когда я пишу их сама, они словно приходят от меня, а когда напечатаны на машинке, ему всегда кажется, будто между нами встала машина. Это показывает вам, как сильно он меня любил, мистер Хоумс, и о каких мелочах он умел думать.

— Это весьма примечательная деталь, — сказал Хоумс. — Уже давно я придерживаюсь аксиомы, что именно мелочи имеют бесконечно большее значение. Можете ли вы вспомнить ещё какие-нибудь мелочи, связанные с мистером Хосмером Энджелом?

— Он был очень застенчивым человеком, мистер Хоумс. Ему больше нравилось гулять со мной по вечерам, чем днём, потому что, как он говорил, он терпеть не мог привлекать к себе внимание. Он был очень сдержанным и воспитанным. Даже голос у него был мягкий. Он рассказывал, что в детстве перенёс ангину и воспаление желез, и после этого у него осталось слабое горло, поэтому говорил он нерешительно, почти шёпотом. Одет он всегда был хорошо, очень опрятно и просто, но зрение у него было слабым, как у меня, и от яркого света он носил затемнённые очки.

— Хорошо. А что произошло, когда мистер Виндибэнк, ваш отчим, вернулся во Францию?

— Мистер Хосмер Энджел снова пришёл к нам и предложил пожениться до возвращения отца. Он был ужасно серьёзен и заставил меня поклясться, положив руки на Библию, что, что бы ни произошло, я всегда буду ему верна. Мать сказала, что он совершенно правильно поступил, заставив меня поклясться, и что это свидетельствует о силе его любви. Мать с самого начала была целиком на его стороне и даже любила его больше, чем я. Затем, когда они заговорили о свадьбе в течение этой же недели, я начала спрашивать об отце. Но оба сказали, чтобы я не беспокоилась об отце, а просто сообщила ему обо всём потом, и мать сказала, что сама уладит с ним этот вопрос. Мне это не совсем понравилось, мистер Хоумс. Казалось странным, что я должна просить его разрешения, ведь он всего на несколько лет старше меня. Но я не хотела делать что-либо тайком, поэтому написала отцу в Бордо, где у компании находится французское отделение, однако письмо вернулось ко мне как раз утром в день свадьбы.

— Значит, оно его не застало?

— Да, сэр, потому что он отправился в Англию ещё до того, как письмо пришло.

— Хм! Это было весьма некстати. Значит, свадьбу назначили на пятницу. Она должна была состояться в церкви?

— Да, сэр, но очень скромно. В церкви Святого Спасителя, возле Кингс-Кросс, а после этого мы должны были позавтракать в отеле «Сент-Панкрас». Хосмер приехал за нами на кэбедвуколке, но поскольку нас было двое, он посадил нас обеих туда, а сам сел в другой экипаж — в фаэтон, который оказался единственным другим кэбом на улице. Мы приехали к церкви первыми, а когда подъехал фаэтон, стали ждать, когда он выйдет. Но он не вышел. Когда кучер спустился со своего места и заглянул внутрь, там никого не оказалось! Кучер сказал, что не может понять, куда он исчез, потому что собственными глазами видел, как тот сел в экипаж. Это было в прошлую пятницу, мистер Хоумс, и с тех пор я ни разу его не видела и не слышала ничего, что пролило бы свет на то, что с ним произошло.

— Мне кажется, с вами обошлись весьма бесчестно, — сказал Хоумс.

— О нет, сэр! Он был слишком добр и слишком заботлив, чтобы просто так меня оставить. Всё утро он повторял мне, что, что бы ни случилось, я должна оставаться ему верной, и что даже если какое-нибудь совершенно непредвиденное обстоятельство разлучит нас, я всегда должна помнить, что дала ему обещание, а он рано или поздно потребует исполнения этого обещания. Для утра свадьбы это были странные слова, но после случившегося они приобретают смысл.

— Несомненно. Значит, вы считаете, что с ним произошло какое-то непредвиденное несчастье?

— Да, сэр. Думаю, он предчувствовал какую-то опасность, иначе не стал бы так говорить. И мне кажется, что именно то, чего он опасался, и произошло.

— Но вы не представляете, что это могло быть?

— Нет, не представляю...

— Ещё один вопрос. Как ваша мать отнеслась ко всему этому?

— Она рассердилась и сказала, чтобы я больше никогда не упоминала об этом.

— А ваш отец? Вы рассказали ему?

— Да. И он, как и я, решил, что что-то произошло и что я ещё услышу о Хосмере. Он сказал: какой интерес может быть у человека в том, чтобы довести меня до дверей церкви, а потом бросить? Вот если бы он занял у меня денег или женился на мне и получил мои деньги, тогда, возможно, в этом был бы какой-то смысл. Но Хосмер совершенно независимо относился к деньгам и никогда не согласился бы взять у меня ни шиллинга. И всё же что же могло произойти? И почему он не может написать? О, я схожу с ума, думая об этом, и по ночам не могу сомкнуть глаз.

Она вынула из муфты маленький носовой платок и тяжело зарыдала в него.

— Я займусь вашим делом, — сказал Хоумс, поднимаясь. — Не сомневаюсь, что мы придём к какому-нибудь определённомu результату. Теперь оставьте эту заботу мне и больше не терзайте себя мыслями о случившемся. И главное — постарайтесь, чтобы мистер Хосмер Энджел исчез из вашей памяти так же, как он исчез из вашей жизни.

— Значит, вы не думаете, что я снова его увижу?

— Боюсь, что нет.

— Тогда что с ним произошло?

— Этот вопрос вы оставьте мне. Мне хотелось бы получить точное описание его внешности и любые его письма, которыми вы можете со мной поделиться.

— Я дала объявление о его розыске в прошлой субботе в «Кроникл», — сказала она. — Вот вырезка, а вот четыре его письма.

— Благодарю. А ваш адрес?

— № 31, Лайон-Плейс, Кэмбервелл.

— Адреса мистера Энджела у вас, как я понимаю, никогда не было. Где находится место работы вашего отца?

— Он работает разъездным торговым представителем фирмы «Вестхаус и Марбанк», крупных импортёров кларета - французского вина на Фенчерч-стрит.

— Благодарю. Вы очень ясно изложили всё случившееся. Оставьте бумаги здесь и помните мой совет. Считайте весь этот случай закрытой книгой и не позволяйте ему влиять на вашу жизнь.

— Вы очень добры, мистер Хоумс, но я не могу этого сделать. Я останусь верна Хосмеру. Когда он вернётся, он застанет меня готовой ждать его.

Несмотря на нелепую шляпу и несколько пустоватое выражение лица, в простой верности нашей посетительницы было нечто благородное, что заставляло нас относиться к ней с уважением. Она положила на стол небольшой свёрток с бумагами и ушла, пообещав вновь прийти, как только её вызовут.

Шерлок Хоумс несколько минут сидел молча, по-прежнему прижав кончики пальцев друг к другу, вытянув ноги перед собой и устремив взгляд к потолку. Затем он снял с подставки старую, засаленную глиняную трубку, которая служила ему советчиком, раскурил её и откинулся в кресле. Над ним закружились густые голубые кольца дыма, а на лице появилось выражение бесконечной расслабленности.

— Весьма интересный объект для изучения, эта девушка, — заметил он. — Она заинтересовала меня больше, чем её небольшая проблема, которая, к слову сказать, довольно банальна. Если заглянете в мой указатель, то найдёте похожие случаи в Андовере в семье-

сят седьмом году, а в прошлом году нечто подобное произошло в Гааге. Идея стара как мир, однако в этом случае обнаружилась одна-две детали, которые были для меня новыми. Но сама девушка оказалась чрезвычайно поучительной.

— Похоже, вы сумели разглядеть в ней немало такого, чего я совершенно не заметил, — сказал я.

— Не заметил, Ватсон, а не обратил внимания. Вы просто не знали, куда смотреть, и поэтому упустили всё самое важное. Мне никак не удаётся заставить вас понять значение рукавов, выразительность ногтей больших пальцев или то огромное значение, которое иногда может иметь шнурок на ботинке. Итак, что вы смогли понять по внешности этой женщины? Опишите её.

— Ну, на ней была соломенная шляпа шиферного цвета с широкими полями и пером кирпично-красного оттенка. Куртка чёрная, украшенная нашитыми чёрными бусинами и бахромой из маленьких чёрных украшений из гагата. Платье коричневое, немного темнее кофейного цвета, с небольшими вставками пурпурного плюша у шеи и на рукавах. Перчатки сероватые, на правом указательном пальце протёртые. Ботинок я не заметил. В ушах маленькие круглые висючие золотые серьги. В целом она производила впечатление женщины довольно обеспеченной, но вульгарной, уютной и совершенно непринуждённой.

Шерлок Холмс тихонько хлопнул в ладоши и хихикнул.

— Право же, Ватсон, вы замечательно продвигаетесь. Действительно, очень хорошо. Правда, вы упустили всё существенное, зато уловили сам метод и обладаете острым глазом на цвета. Никогда не полагайтесь на общее впечатление, мой мальчик, сосредоточьтесь на деталях. Взглянув на женщину я всегда прежде всего изучаю рукав. У мужчины, пожалуй, лучше всего начать с колена брюк. Как вы заметили, на рукавах этой женщины был плюш — а это чрезвычайно удобный материал для обнаружения следов. Двойная полоска немного выше запястья, там, где машинистка прижимает руку к столу, была видна совершенно отчётливо. Ручная швейная машинка оставляет похожий след, но только на левой руке и с той её стороны, которая дальше от большого пальца, тогда как здесь след проходил прямо поперёк самой широкой части. Затем я взглянул на её лицо и, заметив след от пенсне по обеим сторонам носа, осмелился упомянуть её близорукость и работу на машинке, что, судя по всему, её удивило.

— Меня это тоже удивило.

— Но, право же, всё было очевидно. Затем я был немало удивлён и заинтересован, когда, опустив взгляд, обнаружил, что ботинки, которые она носила, хотя и были похожи друг на друга, на самом деле оказались парой из разных ботинок: у одного носок был слегка украшен, а у другого — совершенно простой. Один был застёгнут только на две нижние пуговицы из пяти, а другой — на первую, третью и пятую. Теперь, если вы видите молодую женщину, в остальном аккуратно одетую, которая вышла из дома в разных ботинках, да ещё и застёгнутых наполовину, несложно заключить, что она ушла в большой спешке.

— А что ещё? — спросил я, чрезвычайно заинтересованный, как всегда, проницательными рассуждениями моего друга.

— Я мимоходом заметил, что перед уходом из дома она написала записку уже после того, как полностью оделась. Вы заметили, что её правая перчатка порвана на указательном пальце, но, по-видимому, не заметили, что и перчатка, и палец испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала торопливо и слишком глубоко окунула перо в чернила. Это должно было произойти сегодня утром, иначе пятно уже не сохранилось бы так отчётливо на пальце. Всё это забавно, хотя довольно элементарно. Но теперь, Ватсон, мне пора вернуться к делу. Не прочтёте ли вы мне описание мистера Хосмера Энджела, которое было опубликовано в объявлении?

Я поднёс к свету небольшой напечатанный листок.

— «Пропал, — гласило объявление, — утром четырнадцатого числа джентльмен по имени Хосмер Энджел. Рост около пяти футов семи дюймов, крепкого сложения, смугло-жёлтая кожа, чёрные волосы, слегка лысый на макушке, густые чёрные бакенбарды и усы; затемнённые очки, лёгкий дефект речи. В последний раз был одет в чёрный сюртук с шёлковой отделкой, чёрный жилет, золотую цепочку Альберта и серые брюки из твида Харриса, поверх эластичных ботинок с коричневыми гетрами. Известно, что работал в конторе на Лиденхолл-стрит. Любого, кто сообщит...» и так далее.

— Достаточно, — сказал Хоумс. — Что касается писем, — продолжил он, просматривая их, — они совершенно заурядны. В них нет ни единой зацепки относительно мистера Энджела, если не считать того, что однажды он цитирует Бальзака. Однако есть одна примечательная деталь, которая, несомненно, бросится вам в глаза.

— Они напечатаны на машинке, — заметил я.

— Не только это: подпись тоже напечатана. Посмотрите на аккуратное «Хосмер Энджел» внизу. Дата имеется, как видите, но кроме «Лиденхолл-стрит» никакого адреса нет, что довольно расплывчато. А вот эта особенность подписи весьма красноречива — фактически её можно считать решающей.

— В чём?

— Дорогой мой, неужели вы не видите, насколько сильно это связано с нашим делом?

— Не могу сказать, что вижу, разве только предположить, что он хотел иметь возможность отрицать свою подпись, если против него будет возбуждено дело за нарушение обещания жениться.

— Нет, дело вовсе не в этом. Впрочем, я напишу два письма, которые должны всё прояснить. Одно — фирме в Сити, другое — отчиму молодой женщины, мистеру Виндибэнку, с просьбой встретиться с нами здесь завтра в шесть часов вечера. Лучше иметь дело с мужчинами из семьи. А теперь, доктор, мы ничего не можем сделать, пока не придут ответы на эти письма, так что на время отложим нашу маленькую задачу в сторону.

У меня было слишком много причин верить в тонкую силу рассуждений моего друга и его необычайную энергию в действиях, поэтому я был уверен, что за его спокойной и уверенной манерой относиться к этой загадочной истории стоят веские основания. Лишь однажды я видел, чтобы он потерпел неудачу — в деле короля Богемии и фотографии Айрин Адлер. Но когда я вспоминал странную историю с «Знаком четырёх» и необычайные обстоятельства, связанные с «Этюдом в багровых тонах», мне казалось, что клубок должен быть действительно невероятно запутанным, чтобы он не сумел его распутать.

Я оставил его, по-прежнему попыхивавшего своей чёрной глиняной трубкой, с полной уверенностью, что, когда приду на следующий вечер, обнаружу в его руках все ключи, которые приведут нас к разгадке личности исчезнувшего жениха мисс Мэри Сазерленд.

В тот момент моё внимание занимало одно чрезвычайно серьёзное профессиональное дело, и весь следующий день я провёл у постели больного. Лишь около шести часов мне наконец удалось освободиться, и я вскочил в кэб, направляясь на Бейкер-стрит, наполовину опасаясь, что опоздаю и не успею присутствовать при развязке этой маленькой тайны.

Однако Шерлок Хоумс оказался один. Он был почти погружён в сон, свернувшись своей длинной худой фигурой в глубине кресла. Целый ряд внушительных бутылок и пробирок, а также едкий, чистый запах соляной кислоты сообщили мне, что свой день он провёл за химическими опытами, которыми так дорожил.

— Ну, вы разгадали всё? — спросил я, входя.

— Да. Это был бисульфат бария.

— Нет, нет, я о тайне! — воскликнул я.

— Ах, об этом! Я подумал о соли, над которой работал. В самом деле, здесь никогда не было никакой тайны, хотя, как я говорил вчера, некоторые детали представляют интерес.

Единственная неприятность состоит в том, что, боюсь, не существует закона, который позволил бы привлечь негодяя к ответственности.

— Так кто же он был и зачем бросил мисс Сазерленд?

Я едва успел задать вопрос, и Холмс ещё не открыл рта, чтобы ответить, как в коридоре раздались тяжёлые шаги, а затем стук в дверь.

— Это отчим девушки, мистер Джеймс Виндибэнк, — сказал Холмс. — Он написал мне, что будет здесь в шесть. Войдите!

Вошедший был крепким мужчиной среднего роста, лет тридцати, гладко выбритым, с желтовато-бледной кожей, любезными, располагающими манерами и необычайно острыми, пронизательными серыми глазами. Он вопросительно взглянул на каждого из нас, поставил блестящий цилиндр на буфет и, слегка поклонившись, неловко опустился в ближайшее кресло.

— Добрый вечер, мистер Джеймс Виндибэнк, — сказал Холмс. — Думаю, это напечатанное на машинке письмо от вас, в котором вы назначили мне встречу на шесть часов?

— Да, сэр. Боюсь, я немного опоздал, но, знаете, я не вполне распоряжаюсь собственным временем. Мне жаль, что мисс Сазерленд побеспокоила вас этим небольшим делом, потому что, по-моему, подобное семейное бельё лучше не выносить на публику. Я вовсе не хотел, чтобы она приходила, но она очень возбудимая и импульсивная девушка, как вы, вероятно, уже заметили, и, если она что-нибудь решит, управиться с ней нелегко. Конечно, вы меня не так сильно беспокоите, поскольку не имеете отношения к официальной полиции, но неприятно, когда подобное семейное несчастье становится достоянием всех. К тому же это бесполезная трата денег, ведь как вы вообще могли бы найти этого Хосмера Энджела?

— Напротив, — спокойно сказал Холмс, — у меня есть все основания полагать, что мне удастся обнаружить мистера Хосмера Энджела.

Мистер Виндибэнк резко вздрогнул и выронил перчатки.

— Рад это слышать, — сказал он.

— Забавно, — заметил Холмс, — но пишущая машинка обладает практически такой же индивидуальностью, как и почерк человека. Если машина не совсем новая, две из них никогда не печатают совершенно одинаково. Одни буквы изнашиваются сильнее других, а некоторые стираются только с одной стороны. Вот, например, вы сами замечаете в этой вашей записке, мистер Виндибэнк, что в каждом случае буква «е» слегка смазана, а в нижнем хвостике буквы «г» имеется небольшой дефект. Есть ещё четырнадцать других особенностей, но эти наиболее заметны.

— В конторе мы всю переписку ведём на этой машинке, и, без сомнения, она немного износилась, — ответил наш посетитель, внимательно глядя на Холмса своими маленькими блестящими глазами.

— А теперь я покажу вам поистине интересный объект для изучения, мистер Виндибэнк, — продолжил Холмс. — Думаю, когда-нибудь я напишу небольшую монографию о пишущей машинке и её связи с преступностью. Это тема, которой я уделил немало внимания. Вот у меня четыре письма, якобы написанные пропавшим человеком. Все они напечатаны на машинке. И в каждом случае не только буквы «е» смазаны, а у «г» отсутствуют хвостики, но, если вы пожелаете воспользоваться моей лупой, вы увидите, что присутствуют и остальные четырнадцать особенностей, о которых я упомянул.

Мистер Виндибэнк вскочил с кресла и схватил свой цилиндр.

— Я не могу тратить время на подобные фантастические разговоры, мистер Холмс, — сказал он. — Если вы можете поймать этого человека — поймайте, а когда поймаете, сообщите мне.

— Разумеется, — сказал Холмс, подходя к двери и поворачивая ключ в замке. — Тогда я сообщу вам, что уже поймал его!

— Что?! Где? — вскричал мистер Виндибэнк, побледнев до самых губ и оглядываясь вокруг, словно крыса в ловушке.

— О, бросьте — это вам не поможет, — мягко сказал Хоумс. — Вам совершенно некуда бежать, мистер Виндибэнк. Всё слишком очевидно, и, сказав, что мне невозможно разгадать столь простое дело, вы сделали мне весьма сомнительный комплимент. Вот так. Садитесь и поговорим.

Наш посетитель рухнул в кресло. Лицо его стало мертвенно-бледным, а на лбу выступили капли пота.

— Это... это не является основанием для судебного иска, — пробормотал он.

— Боюсь, что действительно нет. Но между нами, Виндибэнк, это была одна из самых жестоких, эгоистичных и бессердечных уловок мелкого пошиба, какие мне когда-либо доводилось встречать. А теперь позвольте мне изложить последовательность событий, и вы поправите меня, если я ошибусь.

Мужчина сжался в кресле, опустив голову на грудь, словно человек, окончательно раздавленный происходящим. Хоумс положил ноги на край каминной полки, откинулся назад, сунув руки в карманы, и начал говорить — казалось, скорее самому себе, чем нам.

— Этот человек женился на женщине значительно старше себя ради её денег, — сказал он, — и пользовался деньгами её дочери всё то время, пока та жила вместе с ними. Для людей их положения это была немалая сумма, и её потеря серьёзно сказалась бы на их положении. Стоило приложить усилия, чтобы сохранить этот доход. Дочь обладала добрым, мягким характером, была ласковой и сердечной, а значит, было очевидно, что при её привлекательной внешности и небольшом собственном доходе ей недолго позволят оставаться незамужней.

— Теперь её замужество, конечно, означало бы потерю ста фунтов в год. Что же тогда делает её отчим, чтобы предотвратить это? Он выбирает очевидный путь: держит её дома и запрещает ей искать общества людей своего возраста. Но вскоре обнаруживает, что так продолжаться вечно не может. Девушка становится непокорной, начинает отстаивать свои права и наконец заявляет, что непременно пойдёт на определённый бал.

— Что же тогда делает её хитроумный отчим? Он придумывает план, который больше говорит в пользу его ума, чем его сердца. При содействии жены он переодевается, прячет свои пронизательные глаза за затемнёнными очками, скрывает лицо усами и густыми бакенбардами, превращает свой чистый голос в располагающий шёпот и, чувствуя себя вдвойне защищённым близорукостью девушки, появляется перед ней в образе мистера Хосмера Энджела и отваживает других поклонников, сам ухаживая за ней.

— Сначала это была всего лишь шутка, — простонал наш посетитель. — Мы и подумать не могли, что она так увлечётся.

— Весьма вероятно. Как бы там ни было, девушка действительно сильно увлеклась, и, окончательно убедив себя, что её отчим находится во Франции, ни на мгновение не заподозрила обмана. Внимание джентльмена польстило ей, а восхищение, которое открыто выражала её мать, лишь усилило этот эффект.

— Затем мистер Энджел начал приходить к ней, поскольку было очевидно, что, если нужно добиться настоящего результата, дело следует довести как можно дальше. Последовали встречи и помолвка, которая должна была окончательно защитить чувства девушки от того, чтобы они обратились к кому-либо другому.

— Но обман невозможно было поддерживать вечно. Эти мнимые поездки во Францию становились слишком хлопотными. Очевидно, нужно было закончить всё так драматично, чтобы это навсегда запечатлелось в памяти девушки и на какое-то время удержало её от мыслей о любом другом женихе.

— Отсюда и клятвы верности, которые он потребовал от неё перед Библией, отсюда же и намёки на возможность какого-нибудь происшествия прямо утром свадьбы. Джеймс Винди-

бэнк хотел настолько привязать мисс Сазерленд к Хосмеру Энджелу и настолько лишить её уверенности в том, что с ним произошло, чтобы в течение по меньшей мере десяти лет она не согласилась слушать ухаживания другого мужчины.

— Он довёл её до самых дверей церкви, а затем, поскольку дальше идти уже не мог, удобно исчез, прибегнув к старому трюку: вошёл в одну дверь закрытого экипажа и вышел через другую. Думаю, именно так развивались события, мистер Виндибэнк!

Пока Холмс говорил, наш посетитель постепенно вновь обрёл некоторую уверенность и теперь поднялся с кресла. На его бледном лице появилась холодная усмешка.

— Возможно, так оно и было, мистер Холмс, а возможно, и нет, — сказал он. — Но если вы такой проницательный человек, вам следовало бы быть достаточно проницательным, чтобы понять: это вы сейчас нарушаете закон, а не я. С самого начала я не совершил ничего, за что можно было бы привлечь меня к ответственности. Но пока вы держите эту дверь запертой, вы сами даёте мне основания предъявить вам иск за нападение и незаконное удержание.

— Закон, как вы говорите, не может вас коснуться, — сказал Холмс, отпирая дверь и распахивая её, — но ещё никогда не встречался мне человек, который больше заслуживал бы наказания. Если у этой молодой женщины есть брат или друг, ему следовало бы пройтись хлыстом по вашим плечам. Чёрт возьми! — продолжил он, вспыхнув при виде горькой усмешки на лице мужчины. — Это, конечно, не входит в мои обязанности перед клиенткой, но вот здесь под рукой как раз оказался охотничий хлыст, и, думаю, я позволю себе...

Он сделал два быстрых шага к хлысту, но прежде чем успел его схватить, по лестнице раздался бешеный топот, тяжёлая входная дверь с грохотом захлопнулась, и из окна мы увидели, как мистер Джеймс Виндибэнк со всех ног мчится по улице.

— Вот бессовестный негодяй! — сказал Холмс со смехом, снова опускаясь в кресло. — Этот человек будет переходить от одного преступления к другому, пока не совершит что-нибудь действительно ужасное и не закончит жизнь на виселице. В некоторых отношениях это дело было не лишено интереса.

— Теперь я не вполне понимаю все звенья вашей цепочки рассуждений, — заметил я.

— Ну, с самого начала было очевидно, что у этого мистера Хосмера Энджела должна быть веская причина для столь странного поведения. И столь же очевидно было, что единственным человеком, который, насколько мы могли судить, действительно извлекал из этой истории выгоду, был отчим. Затем тот факт, что эти два человека никогда не появлялись вместе и что один всегда возникал именно тогда, когда другой отсутствовал, тоже был весьма красноречив. То же самое можно сказать о затемнённых очках и необычном голосе — оба признака указывали на маскировку, как и густые бакенбарды.

— Все мои подозрения окончательно подтвердились его странным поступком с подписью, напечатанной на машинке. Это, разумеется, означало, что его почерк был настолько хорошо знаком девушке, что она узнала бы даже малейший его образец. Видите, все эти отдельные факты, вместе с множеством мелких деталей, указывали в одном и том же направлении.

— А как вы всё это проверили?

— Как только я определил, кто именно мой человек, получить подтверждение оказалось нетрудно. Я знал фирму, в которой этот человек работал. Взяв опубликованное описание, я исключил из него всё, что могло быть результатом маскировки: бакенбарды, очки, голос. Затем отправил описание в фирму с просьбой сообщить, соответствует ли оно кому-нибудь из их разъездных торговых представителей.

— К тому времени я уже заметил особенности пишущей машинки и написал самому этому человеку по адресу его места работы, предложив ему прийти сюда. Как я и ожидал, его ответ был напечатан на машинке и обнаружил те же самые незначительные, но характерные дефекты.

— В тот же день пришло письмо от «Вестхаус и Марбанк» с Фенчерч-стрит, в котором сообщалось, что описание во всех отношениях соответствует их служащему Джеймсу Винди-бэнку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.